

**НОВГОРОДСКАЯ «АКАДЕМИЯ»:
К ИСТОРИИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НОВГОРОДА XVIII в.**

В XVIII в. Новгород являлся выдающимся центром образования в России. Возникшие здесь учебные заведения с их богатейшими книжными собраниями сыграли важную роль в становлении русской культуры эпохи нового времени. Выдвижение Новгорода в качестве центра образования XVIII в. предопределил ряд факторов, включая его особое геополитическое положение в цивилизационном пространстве России, а также роль его фактической церковной столицы в этот период: кафедра новгородского архиепископа была самой престижной, а епархия самой богатой. По словам Д. С. Лихачева, «Петр I строил Петербург с оглядкой на Новгород, взамен Новгорода, с оглядкой на его историческую роль».¹ Особенно велико оказалось значение Новгорода в течение первой четверти столетия, когда Москва стала терять былое культурное первенство, а Петербург его еще окончательно не приобрел.

Русское государство являлось необходимым элементом системы европейских государств уже в XVI в. Связи России с Западом стали особенно интенсивными в XVII столетии, когда после присоединения Украины к России Москва оказалась в гораздо большей мере открытой для культурного контакта с Европой, происходившего в то время в форме сближения с Украиной и Польшей.² Несмотря на то что новая культура из Украины шла под знаменем православия, ее неотъемлемым компонентом было польское влияние. Когда в середине XVII в. в Москве появились ученые монахи из Киева Арсений (Сатановский), Епифаний (Славинецкий) и Дамаскин (Птицкий), они принесли с собой новые приемы мышления, идеи и знания, составлявшие арсенал западноевропейской науки эпохи средневековья и начала нового времени, отмеченного характерным для Контрреформации возвратом к схоластической традиции. Вопрос о характере киевской учености встал чрезвычайно остро, когда в Москве была осознана необходимость создания собственного учебного заведения высшего типа для преподавания свободных искусств. Это было связано с потребностям книжной справы и богословскими спорами, вызванными расколом. Ожесточенное столкновение грекофилов и латинствующих закончилось победой грекофилов. 6 марта 1685 г. в Москву прибыли Иоанникий (1633—1717) и Софроний (1652—1730) Лихуды, начавшие преподавание в «школе греческих высоких наук», открытой патриаршей властью.³ Братья Лихуды были сре-

¹ Лихачев Д. С. Древний Новгород как столица — предшественник Петербурга // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе. 16—19 мая 1995 г. / Сост. В. А. Кошелев. Новгород, 1995. С. 5.

² См.: Нечаев В. В. Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа XVII века // Три века: Сб. / Сост. А. М. Мартышкин, А. Г. Свиридов. М., 1991. Т. 2. С. 78.

³ Фонкич Б. Л. К вопросу о соотношении академии Симсона Полоцкого—Сильвестра Медведсва и академии братьев Лихудов // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11—14 мая 1998 года / Отв. ред.

ди тех, кто представлял в России идейное движение барокко, проникшее в страну во второй половине XVII в.⁴

Братья Лихуды ведут начало своего рода от Константина Лихуда с XI в.⁵ Они родились на острове Кефаллония, находившемся под венецианским господством, а обучались в Италии. Сведения об итальянском периоде их жизни немногочисленны. Основными источниками являются показания самих братьев, данные ими по прибытии в Москву в Посольском приказе, а также биографическая «справка», приложенная к сочинению Лихудов «Мечец духовный» (1690).⁶ «Справка» имеет заглавие: «Иоанникия и Софрония самобратии Лихудиевых род, воспитание и деяние» и сообщает о том, что, получив начальное образование дома под руководством одного священника, Лихуды учились затем философии и богословию в Венеции, у греческого ученого с Крита Герасима Влаха, дидаскала школы греческой общины города. После этого они 9 лет обучались в Падуе, в Коттунианской коллегии у Арсения Каллудиса.⁷ Данные этого источника о совместном обучении братьев были некритически восприняты всеми авторами, писавшими об итальянском периоде жизни Лихудов. Учитывая большую разницу в возрасте братьев, Б. Л. Фонкич осуществил критический анализ указанного источника. Он убедительно доказал, что в Венеции у Герасима Влаха учился один Иоанникий; Софроний же сразу после получения начального образования отправился в Падую, где учился в Коттунианской коллегии и одновременно в Падуанском университете, который окончил 13 мая 1670 г.⁸ Падуанский университет как один из наиболее авторитетных в Западной Европе привлекал студентов из разных стран, в том числе из православных. Он являлся также одним из главных центров итальянского аристотелизма. В конце XVI в. изучение Аристотеля на языке оригинала — по греческим текстам — стало неотъемлемой частью преподавания философии в университете. В XVI—XVII вв. Падуанский университет был одним из основных центров второй схоластики, являясь для

В. Л. Янин, Б. Л. Фонкич. Великий Новгород, 2001. С. 29. См. также: Фонкич Б. Л. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого—Сильвестра Медведева // Очерки феодалной России. М., 2000. Вып. 4. С. 237—297.

⁴ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 206—207.

⁵ Рамазанова Д. Н. 1) Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии (1685—1694): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 7; 2) Генсеология братьев Лихудов (по материалам документов Посольского приказа) // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: Тез. докл. и сообщений XIII науч. конф. РГГУ. М., 2001. С. 77—80.

⁶ Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов // ПКНО. 1987. М., 1988. С. 61; Рамазанова Д. Н. «Мечец духовный» Иоанникия и Софрония Лихудов // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2—3. С. 451—464.

⁷ Коттунианская коллегия была основана уроженцем греческого города Веррия Иоанном Коттунием († 1658), выпускником коллегии св. Афанасия в Риме, для содействия молодым грекам в получении высшего образования. Иоанн Коттуний, имевший степень доктора медицины, преподавал в Падуанском университете философию, будучи автором ряда неаристотелианских сочинений. См. также: Plumidis G. Gli scolari greci nello studio di Padova // Quaderni per la storia dell'universita di Padova. Padova, 1971. N 4. P. 127—141.

⁸ Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов. С. 61—62.

греческих ученых неизменным философским и богословским авторитетом.⁹ Годы обучения Лихудов в Падуе были исключительно важны для их педагогической деятельности в России: учебники философии, логики, риторики и других дисциплин были составлены Лихудами под влиянием Падуи.¹⁰

Значение Лихудов в истории русской культуры трудно переоценить. По мнению Д. А. Яламаса, братья Лихуды были одними из первых ученых с настоящим европейским образованием, работавшими на русской земле; они привезли в Россию дух и образованность так называемого Критского Ренессанса, открыв для России окно в Европу за несколько лет до начала петровских реформ. Создатели Московской Славяно-греко-латинской академии, первого высшего учебного заведения в Великой России, они участвовали в переводе многих церковных и научных книг с греческого, итальянского и латинского языков; ими были созданы первые в России учебники по таким предметам, как греческая и латинская грамматика, поэтика, риторика, эпистолография, логика, физика, психология (по Аристотелю) и т. д. В настоящее время эти многочисленные труды хранятся в виде более 60 рукописей в различных хранилищах России, Украины, Греции, Германии, Франции, Дании и других стран, ожидая изучения.¹¹ К сожалению, в силу разных исторических причин (в основном связанных с протестантской ориентацией культурной политики Петра I) эти великие славянские просветители оказались несправедливо забытыми еще при жизни. Отсюда недостаточное внимание историков, включая дореволюционных, к их деятельности в целом, а также созданным ими учебным заведениям, особенно Новгородской школе, изучавшейся так же мало, как и вся культурная история Новгорода XVIII в. Работа по оценке вклада братьев Лихудов в русскую культуру, которую необходимо проделать историкам, философам, богословам и лингвистам, еще в значительной степени впереди.

Благодаря деятельности Лихудов в России было введено систематическое преподавание классических языков в рамках изучения грамматики, поэтики, риторики, философских дисциплин.¹² Лингвистическая деятельность Лихудов в России имела важное значение. Когда в начале XVIII в., в эпоху радикального преобразования по инициативе Петра I русской языковой ситуации, формировался национальный литературный язык, произошел отказ от церковнославянского и становление в этом качестве русского языка. Лихуды решающим образом способство-

⁹ См.: *Аржанухин В. В.* Философия в Падуанском университете в середине XVII в. // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2001. С. 209.

¹⁰ Там же. С. 205.

¹¹ Мы выражаем признательность Д. А. Яламасу за возможность привести в статью его оценку вклада братьев Лихудов в русскую культуру. См. также: *Яламас Д. А.* Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.

¹² См.: *Яламас Д. А.* Филологическая деятельность братьев Лихудов в России: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. С. 8—9.

вали этой языковой реформе.¹³ Лихуды первыми в истории русской философии начали преподавание философских дисциплин по программе, типичной для западноевропейских университетов. Их курсы по перипатетической философии соответствовали стандартам преподавания философского куррикулума в Европе XVII в. Лихуды сформулировали основные идеи православной философской схоластики и обосновали возможность использования в православии западнхристианских философских и богословских учений, не противоречащих православным догматам. Благодаря Лихудам в русской философии завершился мировоззренческий переворот, в результате которого философия утратила свою роль образа жизни и стала рассматриваться как теоретическая познавательная деятельность.¹⁴

Созданная Лихудами в 1685 г. Московская Славяно-греко-латинская академия, имевшая характер общеобразовательного учебного заведения,¹⁵ разделялась на три класса, или школы: верхнюю, среднюю и нижнюю. Обучению в академии предшествовала Русская школа — подготовительный класс, в котором преподавали элементарную славянскую грамоту.¹⁶ Далее следовал собственно академический курс, который преподавали сами Лихуды.¹⁷ Основой его учебного плана было преподавание свободных искусств.

Система 7 свободных искусств (*septem artes liberales*) была, как известно, основой западноевропейской системы образования, сложившейся в античности. Большую роль в ее формировании сыграли элементы античного рационализма, греческая логико-философская образованность. После гибели античного мира сохранение античной культурной традиции, столь важной для становления цивилизации средневековой Европы, осуществлялось усилиями выдающихся ученых IV—VII вв., ставших систематизаторами и хранителями основных достижений классической древности. Им же принадлежит создание средневековой системы образования. Главные фигуры в этом ряду — Марциан Капелла, Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский. Окончательное внедрение 7 свободных искусств в средневековую систему образования связано с именем англосакса Алкуина (730/735—804), виднейшего деятеля Каролингского Возрождения. Именно он выработал связанную программу обучения в придворной школе Карла Великого: 7 свободных искусств — богословие. Алкуин впервые выделил диалектику из остальных свободных искусств, подчеркнув роль логического мышления для формирующейся латинской схоластики, первым представителем которой стал он сам. Завершение формирования принципов средневековой

¹³ Живов В. М. Петровская реформа языка. Культурно-языковая ситуация Петровской эпохи // Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 96.

¹⁴ Аржанухин В. В. Лихуды // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 267.

¹⁵ Фонкич Б. Л. К вопросу о соотношении академии Симсона Полоцкого—Сильвестра Медведсва и академии братьев Лихудов. С. 28—30.

¹⁶ Яланас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. С. 7.

¹⁷ О преподавании Лихудов в Москве см.: Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии (1685—1694). С. 14—22.

педагогике явилось заслугой ученика Алкуина Рабана Мавра (776—856), благодаря которому утверждается идея подчинения светского знания потребностям теологии и Церкви. Рабан Мавр разделил все науки на две части: «божественные» — *studia divina* — изучение Св. Писания; и «человеческие» — *studia humana* — 7 свободных искусств, которые являлись служебными дисциплинами, составляя светскую образованность. По его мнению, светская образованность служит фундаментом теологических знаний и предназначается для изучения Писания. Самым необходимым из всех свободных искусств является грамматика, без точного знания которой невозможна переписка книг. Подразделение грамматики на риторические фигуры, тропы, рассуждения о методе способствует изучению Писания. С помощью риторики проповедник должен бороться с софизмами еретиков, с этими же целями используется искусство диалектики.¹⁸

Курс учебных дисциплин, преподаваемых Лихудами, имел аналогичное содержание и носил, таким образом, схоластический характер. В низшей школе, или «школе греческого книжного писания», ученики обучались греческому чтению и письму. Согласно Д. А. Яламасу, «сначала ученики Академии, по-видимому, овладевали простым греческим языком на разговорном и бытовом уровне, а затем братья Лихуды переходили к преподаванию основных предметов, используя простой язык в качестве метаязыка и языка общения».¹⁹ Вполне закономерно, что первой из дисциплин тривиума преподавалась грамматика, обучение которой начиналось в средней школе. В России XVII в. формировалось новое отношение к текстам, связанное с выработкой языковой нормы. Если древнерусская культура была культурой текстов, то культура XVII в. являлась культурой правил, ставящей правило, по которому создается текст, выше самого текста.²⁰ Именно этому принципу, традиционному для западноевропейского средневековья и Византии, следовали Лихуды: дисциплины тривиума (грамматика, риторика, диалектика) были направлены у них на порождение текста.²¹

В верхней школе преподавались риторика, введение в логику и физика (естественная философия). В 1693 г. Лихуды приступили к преподаванию пиитики (т. е. метрики и стихосложения), являвшейся ранее составной частью грамматики. Грамматика и пиитика преподавались на греческом языке; риторика, логика и физика — на греческом и латинском. Обучение в академии шло по учебникам, составленным самими Лихудами. В целом их преподавание следовало системе, разработанной уже Алкуином, и, очевидно, должно было завершиться преподаванием

¹⁸ См.: *Türnauf D.* Rabanus Maurus, der Praeceptor Germaniae. München, 1900. См. также: *Colish M. L.* Medieval Foundations of the Western Intellectual Tradition: 400—1400. New Haven; London, 1997. P. 68—75; *Piltz Anders.* The World of Medieval Learning. Oxford, 1981. P. 12, 15—23.

¹⁹ См.: *Яламас Д. А.* Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. С. 13.

²⁰ *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 54.

²¹ *Яламас Д. А.* Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. С. 8.

богословия.²² Но в 1694 г. Лихуды, обвиненные в «латинстве», были отстранены от преподавания в академии и в дальнейшем отправлены в ссылку. Их место заняли подготовленные ими ученики — чудовский иеромонах Иов, Федор Поликарпов (Орлов) и Николай Семенов (Головин).

С наступлением петровских реформ, ставших закономерным завершением начавшегося процесса сближения с Западом, позиции образованности, связанной с европейской культурной традицией, упрочились. Школы, копировавшие учебную программу с академической, стали возникать с начала XVIII в. при архиерейских домах по инициативе образованных иерархов. Первой из них стала Черниговская коллегия, Collegium Maximovitianum, основанная в 1700 г. черниговским архиепископом Иоанном (Максимовичем). В 1702 г. митрополитом св. Димитрием Ростовским по образцу Киевской академии была открыта школа в Ростове. В 1703/04 г. митрополит Филофей (Лещинский) устроил подобную школу в Тобольске. Однако реально академическая программа образования в эти годы выполнялась только в академиях — Киевской и Московской, находившихся в благоприятных материальных и административных условиях, а также в Новгороде, где сложилась сходная ситуация.

В 1706 г. усилиями одного из образованнейших российских иерархов митрополита Новгородского и Великолуцкого Иова (1697—1716), получившего согласно Высочайшему указу от 31 января 1706 г. разрешение на перевод Лихудов из Костромы в Новгород,²³ при архиерейском доме в Новгороде была открыта школа, ставшая единственной из епархиальных, способной по уровню гуманитарной подготовки сравниться с академиями.²⁴ Митрополит Иов, пользовавшийся неизменной поддержкой Петра I, располагал для создания такой школы необходимым престижем и материальными возможностями. Школа Лихудов помещалась в здании, которое было построено в 1670 г. в Новгородском кремле. В память о деятельности греческих иеромонахов этот корпус стал называться Лихудовым.²⁵ В школе с самого начала были созданы два класса — «славянский» и «греческий». В славянском классе обучением руководил переводчик Федор Герасимов (Полетаев), московский ученик Лихудов. Курс наук в нем заключался в изучении церковнославянского языка. После изучения церковнославянского чтения и письма переходили к более глубокому изучению церковнославянской грамматики по учебнику Мелетия Смотрицкого. Очевидно, именно со славянским классом Новгородской школы связан найденный в середине XIX в. в библиотеке Новгородского Софийского собора рукописный азбуковник (ОР РНБ, Соф., № 1208), озаглавленный: «Детей преднаказание, или

²² Там же. С. 7—8.

²³ *Страхова О. Б.* Новгородская школа братьев Лихудов // *Cyrrilomethodianum XII. Thessaloniki*, 1988. С. 112—113.

²⁴ *Архангельский А.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883. С. 15.

²⁵ 14 июня 2006 г. в честь 300-летия со дня основания школы братьев Лихудов на Лихудовом корпусе была открыта мемориальная доска.

Букварь славенский вместе с греческим... с наставлениями учащихся, сочиненный по примечаниям Лихудами... или кем-нибудь из учеников Лихудовых».²⁶ Он включает в себя букварь для элементарных школ, предполагающий, однако, знакомство с греческим языком, изложение отдельных разделов русской грамматики и правил орфографии. В его текст включены фрагменты знаменитого педагогического трактата Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium», впервые вышедшего в свет в 1526 г. и ставшего известным в России под названием «Гражданство обычаев детских».²⁷ Очевидно, что азбуковник входил в состав учебной литературы библиотеки Новгородской школы братьев Лихудов.

В греческом классе преподавали сами Лихуды, возглавлявшие школу в течение 10 лет (1706—1716): Софроний уехал в декабре 1708 г., Иоанникий — в 1716 г. Лихуды преподавали в Новгороде дисциплины тривиума; учебный план их школы включал грамматику, пиитику, риторику и логику. Первым этапом в обучении было изучение элементарной греческой грамматики, т. е. системы греческого чтения и письма. Грамматика преподавалась Лихудами по той же программе, что и в Москве. Освоившие грамматику приступали к изучению риторики. Завершающим этапом обучения, очевидно, была пиитика. Об этом свидетельствуют архивные данные, согласно которым Лихуды преподавали в Новгороде сначала грамматику и риторику, а потом пиитику. Так, ученики Иоанникия Лихуда, сообщая о начале преподавания в Новгородской школе учителя Иова, свидетельствуют: «А начал учить сентября с 1 числа стихотворное художество нам, Грамматику и Риторику учением и толкованием дидакакала кир Иоанникия Лихудиева прошедшим...» (см.: ГИАНО, ф. 480, оп. 1, д. 33, л. 3). В фонде рукописей Новгородской духовной семинарии находится учебник риторики на греческом языке (ОР РНБ, ф. 522, № 55²⁸), автором которого является Иоанникий Лихуд. Однако, как установил Б. Л. Фонкич, текст данной рукописи переписан главным образом Софроном и его учениками.²⁹ Данный кодекс приблизительно датирован началом XVIII в., а место его написания Новгород — или Москва — остается под вопросом. Другие известные списки «Риторика» Иоанникия Лихуда, хранящиеся в Москве и в Твери и также описанные Б. Л. Фонкичем,³⁰ созданы в Новгороде и датированы 1712 г. Вероятнее всего, именно «Риторика» Иоанникия использовалась в Новгородской школе. Ее создание в 1712 г. может свидетельствовать о том,

²⁶ Каталог Российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора // *Абрамович Д. И.* Софийская библиотека. СПб., 1905. Вып. 1. С. XXXIII.

²⁷ *Григорьева И. Л.* Новгородская культура XVI—XVIII веков и традиции ренессансного гуманизма (К вопросу об идеях и произведениях Эразма Роттердамского в России) // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 117—118.

²⁸ № 55 дан по описи В. Г. Геймана. Б. Л. Фонкич описывает ее под номером библиотеки Новгородской духовной семинарии — № 6754. См.: *Фонкич Б. Л.* Новые материалы для биографии Лихудов. С. 69.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

что Лихуды начали преподавать риторику не позднее этого времени. Существуют также и списки учебника риторики, написанного Софронием Лихудом, но использовался ли он в Новгороде, нам неизвестно.³¹ В фонде рукописей СПбДА находится учебник логики, написанный Софронием Лихудом (ОР РНБ, ф. 573, № 1394). Очевидно, он использовался в Новгородской школе, в которой логика, по-видимому, преподавалась в одном курсе с риторикой. «Логика» Софрония Лихуда была основана на аристотелевской традиции, господствовавшей в этот период в Падуанском университете. Она состояла из четырех частей: 1. «Логика» в 3 книгах; 2. Введение в «Логику» Аристотеля; 3. Изложение и разбор «Введения в Категории Аристотеля» Порфирия; 4. Изложение и разбор «Категорий» Аристотеля.³²

Лихуды, в сущности, создали в Новгороде учебное заведение, предназначенное для обучения как духовных, так и светских лиц, для преподавания в котором использовали собственные учебники, некоторые из которых были созданы ими в Новгороде специально для Новгородской школы. Часть этих учебников, находившихся первоначально в книжном собрании Новгородского архиерейского дома, оказалась затем в составе рукописей библиотеки Новгородской духовной семинарии.³³ Среди них — «Грамматика греческая иеромонаха Софрония Лихудиева» (ОР РНБ, ф. 522, № 72), датированная 1705 г. Эта рукопись представляет собой один из списков Костромской редакции греческой грамматики, законченной Лихудами 21 февраля 1705 г. в период костромской ссылки. Судя по всему, Костромская редакция греческой грамматики Лихудов, написанная в форме трактата, была предназначена для учащихся Московской Славяно-греко-латинской академии, которые уже изучили элементарный курс греческого и обучались в классе риторики. Этот высокого уровня учебник использовался Лихудами в Новгородской школе. Другую рукописную грамматику Лихудов из фонда рукописей Новгородской духовной семинарии (ОР РНБ, ф. 522, № 73) Д. А. Яламаса называет Новгородской редакцией.³⁴ Рукопись озаглавлена: «Иоанникия и Софрония иеромонахов же и учителей самобратии Лихудиевых о грамматическом художестве». Грамматика написана в форме диалога и содержит частичный параллельный перевод греческого текста на церковнославянский язык. По мнению Д. А. Яламаса, это грамматический труд, имеющий самостоятельное значение.³⁵ Он, без сомнения, использовался в Новгородской школе и был создан специально для ее нужд. По-видимому, грамматика Лихудов с параллельным текстом стала об-

³¹ См., в частности: ОР РНБ. Тиг., № 1778.

³² Рулякова Д. Н. Изучение жизни и деятельности братьев Лихудов: источниковая база // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2001. С. 34. Об учебниках логики и физики, созданных Лихудами, см., в частности: Попов П. С., Симонов Р. А., Стяжкин Н. И. О характере логического знания в России XVII в. // Естественнонаучные знания в древней Руси. М., 1980. С. 161—164.

³³ Фонкич Б. Л. Новые материалы для биографии Лихудов. С. 69.

³⁴ Яламас Д. А. Средневековая греческая грамматическая традиция и труды братьев Лихудов // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2001. С. 43.

³⁵ Там же.

разцом для создания первой собственно российской грамматики церковнославянского языка, автором которой был Федор Максимов. Рукописные греческие грамматики Лихудов являлись учебными пособиями для высшей школы и были оригинальными трудами, ставшими завершением средневековой греческой грамматической традиции, представленной именами филологов XIV—XVI вв.: Мануила Хрисолора, Феодора Газы, Константина Ласкариса, Димитрия Халкокондила, сыгравших выдающуюся роль в формировании культуры европейского Возрождения.³⁶

Преподавание Лихудов в Новгороде по своему характеру не отличалось от их учебной деятельности в Москве. Учебный план Новгородской школы почти целиком соответствовал учебному плану Московской Славяно-греко-латинской академии. В Новгороде не преподавался, однако, курс естественной философии — физики. Новгородская школа Лихудов имела, таким образом, выраженный гуманитарный характер. Особенно большую роль в преподавании играли грамматика, риторика и пиитика, культ которых был характерен для восточнославянских академий XVII—XVIII вв.³⁷ Отнести Новгородскую школу братьев Лихудов к учебным заведениям типа восточнославянских академий позволяет целый ряд признаков, среди которых ее учебный план, переводческая и богословская деятельность и т. д. На наш взгляд, в России XVIII в. наряду с Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской академиями существовало еще одно учебное заведение типа «академии» — Новгородская школа братьев Лихудов,³⁸ преобразованная в 1740 г. в Новгородскую духовную семинарию.

История этих учебных заведений, типологически принадлежавших к допетровским университетам, или восточнославянским академиям, моделью для создания которых послужила западноевропейская высшая школа эпохи средневековья и начала нового времени, мало изучена современной исторической наукой. Это касается и значения традиций средневековых западноевропейских университетов для их деятельности. На наш взгляд, изучение процесса становления системы образования в России необходимо осуществлять в контексте истории высшей школы на Западе не только в эпоху средневековья, но и в более поздний период, когда образовательные учреждения Европы переживали стадию трансформации. Лишь в последние годы изучению доуниверситетского периода в истории российского образования стало уделяться некоторое внимание.³⁹ В недавних исследованиях по истории российских

³⁶ Там же. С. 37—39.

³⁷ *Сазонова Л. И.* Восточнославянские академии XVI—XVIII вв. в контексте европейской академической традиции // *Славяноведение*. 1995. № 3. С. 57.

³⁸ См.: *Григорьева И. Л., Салоников Н. В.* Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // *Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2001*. С. 77—94.

³⁹ См., в частности: *Рамазанова Д. Н.* Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии (1685—1694); *Салоников Н. В.* Библиотека Новгородской духовной семинарии: состав и история формирования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2004; *Вознесенская И. А.* Греческие школы Иоанникия и Софрония Лихудов в начале XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

университетов Московская Славяно-греко-латинская академия рассматривается как «переходная форма между средневековой школой и школой нового времени».⁴⁰ Значение переходного периода от не знавшей регулярной школы и высшего образования допетровской Руси к России нового времени, таким образом, признается. Понимание этого мы встречаем уже в монографии Ю. Х. Копелевич, посвященной истории Петербургской Академии наук.⁴¹ Она называет Киево-Могилянскую и Московскую Славяно-греко-латинскую академии «университетами».⁴² Термин для определения характера этих учебных заведений — «древнерусский университет» существовал уже в русской дореволюционной историографии.⁴³ На наш взгляд, более подходящим является использование в данном случае термина «допетровский университет». Вышеперечисленные академии выступают как историческая форма высшей школы в России, предшествующая университетам («допетровский университет»). Отметим, что в Германии университеты назывались академиями,⁴⁴ что указывает на тесную связь этих понятий.

В последние годы наметился отчетливый интерес к истории академий как форм организации научной и учебной деятельности. Свидетельством этого являются, в частности, исследования Ю. Х. Копелевич, О. Ф. Кудрявцева, Л. И. Сазоновой и др.⁴⁵ Отечественная историография истории образования и науки в России, по-видимому, приближается к признанию существования в России XVII — первой четверти XVIII в. доуниверситетского периода в истории высшей школы, аналогичного тому, который переживала Западная Европа в XI—XII вв., накануне появления университетов — универсальной формы высшего образования.⁴⁶ В этой связи, на наш взгляд, важную роль может сыграть изучение Новгородской «академии» XVIII в.

Генетически учебное заведение типа академии восходит к античности. Возрождение античных идеалов в эпоху средневековья привело к появлению придворной академии Карла Великого. Члены академии были деятелями знаменитого Каролингского Возрождения, заложившего интеллектуальные основы цивилизации средневекового Запада. Клерикализация культуры, наступившая с распадом империи Карла Великого, привела к сворачиванию античных тенденций в культуре раннего средневековья. Слово «академия», однако, не исчезло: с возникновением

⁴⁰ Пономарева В. В. У истоков университета // Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / Под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1997. С. 37.

⁴¹ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.

⁴² Там же. С. 39, 58.

⁴³ См.: Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. 2-е изд. СПб., 2001. С. 10.

⁴⁴ Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. С. 35.

⁴⁵ Там же; Кудрявцев О. Ф. 1) От эрудитских собраний к научным сообществам: итальянские академии XV—XVII вв. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. С. 176—194; 2) Гуманистическое академии итальянского Возрождения // Культура Возрождения и общество. М., 1986. С. 71—76; Сазонова Л. И. Восточнославянские академии XVI—XVIII вв. ...

⁴⁶ Ср.: Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 19.

университетов под ним стал подразумеваться университет. Эпоха Возрождения возобновила практику организации академий, которые на первых порах представляли собой содружества энтузиастов, посвятивших себя научным занятиям. Самой знаменитой ренессансной академией Италии была Платоновская академия во Флоренции, собиравшаяся вокруг философа-неоплатоника Марсилио Фичино.⁴⁷ В Заальпийской Европе под влиянием итальянского Возрождения также появляются неформальные ученые сообщества. Известность приобрел кружок ученых, собиравшихся около 1485 г. в монастыре Адуард близ Гронингена. В отдаленных от культурных центров Северных Нидерландах естественными очагами гуманистического движения могли стать монастыри, руководимые просвещенными аббатами. Адуард явился в Северных Нидерландах чем-то, отдаленно напоминающим Флорентийскую академию. Члены «академии» в Адуарде были поглощены в основном религиозными дискуссиями.⁴⁸ Академическое движение, начавшееся в эпоху Возрождения, породило две тенденции: образовательную и научно-исследовательскую. В рамках первой тенденции произошло семантическое сближение понятий «академия» и «университет». Академический институт одновременно являлся и центром ученых занятий, и местом пропаганды их результатов, серьезно конкурируя с традиционными центрами образования — университетами. Культурная традиция Реформации и Контрреформации привела к полному слиянию этих понятий. Однако, в отличие от университетов, академии являлись сугубо гуманитарными учреждениями с преподаванием свободных искусств, в основном ориентированными на подготовку духовенства. Появились протестантские, католические академии, а также православные — в восточнославянских странах.⁴⁹

Как восточнославянская академия Новгородская школа Лихудов должна была выполнять роль переводческого и книгопечатного центра, что вполне соответствовало замыслам митрополита Иова и Лихудов. Лихуды занимались в Новгороде переводом книг по поручению Петра I, в том числе с латинского и итальянского языков: «Энеиды» Вергилия, «Об артиллерии и о способах победить турок» С. Альберта, «Книги Сфинкс» иезуита Афанасия Кирхера, которую Лихуды перевели «с кратким толкованием», «Изъяснения арменския литургии». В планы митрополита Иова входил также перевод в Новгороде богословской литературы и исправление текста славянской Библии. Для этого он просил Петра I прислать в помощь Лихудам московских типографских справщиков, обладавших великолепной филологической подготовкой, некоторые из которых были их московскими учениками. В письме к архимандриту Сильвестру Холмскому митрополит Иов сообщает о том, что в Новгороде с Лихудами работают их ученики: «... при них же и стари их нецыи ученики для учения и переводу книг греколатинских с радо-

⁴⁷ Кудрявцев О. Ф. От эрудитских собраний к научным сообществам... С. 176—194.

⁴⁸ Григорьева И. Л. Эразм Роттердамский и духовная культура Нидерландов XV века // Вестник НолГУ. Сер. гуманитарные науки. 2000. № 15. С. 10.

⁴⁹ Сазонова Л. И. Восточнославянские академии XVI—XVIII вв. ... С. 49.

стию у нас трудятся...».⁵⁰ Среди них один из лучших — Николай Семенов (Головин), преподаватель Славяно-греко-латинской академии, переводчик, поэт, которому Петр I разрешил отправиться в Новгород для помощи в переводах.⁵¹ В 1712 г. в Новгород прибыл знаменитый московский просветитель и филолог Карион Истомин, сторонник педагогических идей Яна Амоса Коменского, который более года трудился в Новгороде. В подобного рода деятельности участвовали и преподаватели Новгородской школы, занимаясь переводами богословской литературы с греческого языка. Федор Герасимов (Полетаев) в 1712 г. перевел с печатного издания (Бухарест, 1703) богословский труд Севаста Трапезундского Киминитиса «Догматственное учительство». Запись на рукописи гласит: «Переведесе же на росский язык повелением и тщанием преосвящ. кирь Иова митрополита великого Новаграда и Великих Лук в доме Софии Премудрости Божия на его архиерейском дворе трудами переводника Феодора Герасимова сына Полетаева...». Аналогичный перевод осуществил в Москве один из лучших московских учеников Лихудов Федор Поликарпов.⁵² Кроме сочинения Севаста Киминитиса Федор Герасимов (Полетаев) перевел в 1711 г. «Новое Сокровище» Георгия Сугдурия, в 1713 г. — «Беседы» Макария Египетского, в 1715 г. — «Сокровище» Дамаскина Студита.

Неотъемлемым и завершающим компонентом высшего образования в большинстве университетов средневековой Европы было, как известно, богословие. Лихуды вели в Новгороде богословские дискуссии и создавали богословские произведения, служащие объяснению догматов веры, уставов и обрядов Церкви. Возможно, именно в Новгороде они завершили создание своей богословской системы. В 1706 г. Лихуды окончили противоположающее сочинение «Лютерские ереси». К новгородскому периоду относится также «Обличение на гаждателя св. Писания Библии, переведенныя с еврейского на еллинский диалект 72 богомудрыми мужами» (ОР РНБ, Соф. собр., № 1203), в котором Лихуды защищали греческий перевод Библии. Сочинение было, несомненно, написано в связи с замыслом митрополита Иова осуществить в Новгороде новый перевод Библии на славянский язык. (К сожалению, этому замыслу в силу ряда причин не суждено было осуществиться.) По поручению митрополита Иова с 1713 г. Иоанникий Лихуд вел богословские

⁵⁰ Цит. по: Светлов Г. И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Пг., 1917. Вып. 1. С. 17.

⁵¹ Доказательством пребывания Николая Семенова (Головина) в Новгороде является наличие принадлежавших ему книг в библиотеке Новгородской школы Лихудов. См.: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Библиотека Новгородской духовной семинарии 1706—1925 годы // Чело. 2000. № 1. С. 79. По мнению И. А. Вознесенской, Николай Семенов (Головин) в Новгороде не был. См.: Вознесенская И. А. 1) Митрополит Иов и Новгородская школа братьев Лихудов // София. 1999. № 4. С. 39; 2) Николай Семенов Головин — духовный писатель конца XVII—начала XVIII века (Проповедь как исторический источник) // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб., 2001. С. 36—41.

⁵² Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. СПб. (в печати). Указанные рукописи Федора Герасимова (Полетаева) и Федора Поликарпова (№ 1200 и 1202) описаны В. А. Ромодановской.

пения с раскольником Семеном Денисовым, находившимся в заточении в Новгороде, а также с киевскими учеными, преподававшими в Московской Славяно-греко-латинской академии. Активная полемическая и богословская деятельность Лихудов в Новгороде приравнивала их Новгородскую школу по статусу к академии.

Еще одним свидетельством богословской деятельности Новгородской школы братьев Лихудов служат рукописи на греческом языке из библиотеки Новгородской духовной семинарии, хранящиеся в ОР РНБ, — греческая патристика и Писание. Среди них сборник «Духовные беседы» (ф. 522, № 2) преп. Макария Египетского, широко известный памятник монашеской литературы гомилетического характера. В рукописной описи хранящихся в ОР РНБ рукописей Новгородской духовной семинарии, составленной В. Г. Гейманом, рукопись была озаглавлена: «V. Makarii Aegyptiensis homiliae». Очевидно, она является списком с печатной книги, указанной в «Описи архиерейской ризницы...» под названием: «Преподобного Макария Египтянина, греколатинская»⁵³ и находившейся в библиотеке школы Лихудов. Рукопись в картонном переплете, оклеенном «мраморной» бумагой, насчитывает 206 л. На корешке переплета наклеена нанесенная на бумагу надпись: «V. Macarii Aegip. 227»; номер 227 зачеркнут карандашом и подписано 6702. На корешке наклеен бумажный номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6702.⁵⁴ Рукопись, видимо, написана в Новгороде и датируется 1717/18 г. Предположительно она связана с переводческой деятельностью Федора Герасимова (Полетаева). Еще одна рукопись на греческом языке, возможно, также происходящая из библиотеки Новгородской школы Лихудов, — «Отрывки из Евангелия, Деяний и Апокалипсиса» (ОР РНБ, ф. 522, № 1). Наиболее читаемым рукописным списком были «Речения» св. Григория Паламы, архиепископа Фессалонийского, митрополита Солунского (ОР РНБ, ф. 522, № 3), озаглавленные в Описи В. Г. Геймана: «...Григорий Фессалонийский... Речения». Рукопись, насчитывающая 869 л., содержит дату — 1708 г. (л. 866). Переплет — современный рукописи: деревянная доска, обтянутая коричневой кожей, украшенный золотой тисненой рамкой. На вертикальных краях досок остатки металлических застежек. На корешке частично сохранившаяся бумажная наклейка с греческой надписью — названием рукописи, а также бумажный номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6703. На л. 1 имеется владельческая запись: «Liber iste Dono mihi deditus ab illustrissimo Abbate simul ac rectore

⁵³ См.: Опись архиерейской ризницы, находящейся в Софийском соборе, и имущества, оставшегося после смерти Иова, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. Стб. ХСХVI—ХСХVIII. По-видимому, под названием «Разговоры гресколатинския» книга описана в «Резестре Принятым книгам из дома Новгородскаго Архиерейскаго 1765 года...» каталога библиотеки Новгородской духовной семинарии 1779 г. См.: ГИАНО, ф. 384, он. 1, д. 2, л. 265 об.

⁵⁴ Рукопись попала в библиотеку Новгородской духовной семинарии в момент ее основания вместе с книжным собранием архиерейского дома. См.: ГИАНО, ф. 384, он. 1, д. 2, л. 190 об.

seminarii Novogrodensis 1756 mart: 6ta», ниже: «ex lib. Timoth: Sab:» («Это книга, врученная мне в дар преосвященным аббатом и ректором семинарии Новгородской 1756 марта 6-го»). На задней крышке переплета — вторая владельческая запись: «Dono deditus est mihi liber iste a Patre Poeseos praesceptore Pavlo anno 1766 Сентября 12 die» («Эта книга была вручена мне в дар Отцом Павлом, учителем пиитики года 1766-го Сентября 12 дня»). Согласно «Описи архиерейской ризницы...» рукопись находилась в библиотеке Новгородской школы братьев Лихудов⁵⁵ и была, очевидно, в ней создана. По содержанию она связана с богословской деятельностью Лихудов, являвшихся строгими защитниками православия. «Речения» Григория Паламы, написанные в 1338—1341 гг. в защиту мистической традиции в богословии, явились выступлением против основанных на рационализме богословско-философских воззрений Варлаама Калабрийского, объявленных Православной церковью еретическими. Судя по первой владельческой записи, рукопись принадлежала Тимофею Савельеву (Соколовскому), будущему свт. Тихону Задонскому — знаменитому иерарху и духовному писателю, выпускнику Новгородской духовной семинарии. С 1755 г. он преподавал в классе пиитики; рукопись была вручена ему ректором Новгородской духовной семинарии Парфением (Сопковским).

После возвращения Лихудов в Москву в школе преподавали их московские и новгородские ученики. С 1716 г. школой руководил иеромонах Иов, приехавший в Новгород в 1713 г. Один из первых московских учеников Лихудов, изучивший под их руководством курсы грамматики, пиитики, риторики, логики и физики, он был филологом, писателем и переводчиком, знатоком латинского, древнегреческого и новогреческого языков. В 1694 г. после удаления Лихудов из Москвы он стал наставником Славяно-греко-латинской академии и, возможно, даже ее возглавлял. Основное сочинение Иова — «Беседа молебная о благочестивом государе и победе на враги» (1695), посвященная первому походу Петра I на Азов. Сведения о преподавании учителя Иова в Новгородской школе немногочисленны. В ГИАНО в фонде Новгородской духовной консистории (ф. 480) хранится несколько дел, косвенно свидетельствующих о его деятельности в Новгороде. Так, учитель Иов приступил в сентябре 1716 г. к обучению «еллинския пиитики» учеников, изучивших под руководством Иоанникия Лихуда грамматику и риторику (ГИАНО, ф. 480, оп. 1, д. 33, л. 2, 3—4). Самым лучшим из его учеников был иподиакон Федор Максимов. Однако по старости и болезни Иов плохо исполнял свои обязанности, что послужило поводом к разбирательству. В результате расследования «дела» учителя Иова в «митрополичем разряде Духовных и Гражданских дел перед судиею архимандритом Серапионом Аничковым» был издан указ епископа Карельского и Ладожского Аарона, в котором учителю Иову предписывалось учить Федора Максимова «с клеветами» «стихотворному художеству и философии» (Там же, л. 6—7 об.). «Прочих же тоя школы учеников чтения и грамматики учащихся и в риторику поступающих ему учителю не

⁵⁵ Опись архиерейской ризницы... Стб. ХСVI—ХСVIII.

учить и не в чем не ведать...» (Там же, л. 6 об.—7). Таким образом, учитель Иов был оставлен в Новгородской школе только для преподавания пиитики и философии. Обучение греческой грамматике поручалось Федору Максимову «с клеветрами». По-видимому, учитель Иов преподавал недолго. Вскоре он был окончательно отстранен от преподавания и отправлен в Хутынский монастырь. После ухода Иова на покой руководство школой принял Федор Максимов: «...а в одной еллиногреческой школе обыкновенное над учениками надзирательство иметь и старейшинство содержать иподиакону Федору, который прочих своих клеветров в предпринятом учении <...> превосходит и обретающихся в той школе учеников которые равного ему учения не достигли учить еллиногреческаго учения елико ему от словеснейшаго учителя иеромонаха Иоанникия Лихудиева преподано а имянно грамматики и риторики» (Там же, л. 18—18 об.). При Федоре Максимове сохранилось основное направление Новгородской школы братьев Лихудов, хотя и произошли отдельные изменения в учебном плане, в частности, была введена славянская риторика.⁵⁶

Репертуар библиотеки Новгородской школы Лихудов соответствовал ее учебному плану.⁵⁷ В «Описи архиерейской ризницы...» представлены книги по филологии и богословию преимущественно на греческом, латинском и церковнославянском языках,⁵⁸ что отражало филологическую направленность Новгородской школы, ее характер как учебного заведения типа восточнославянской академии, игравшего роль переводческого и богословского центра. В епископство Феодосия (Яновского) (1721—1725) при архиерейском доме в Новгороде наряду с греко-славянской школой появилась латинская, для преподавания в которой Св. Синодом был утвержден иеродиакон московского Заиконоспасского монастыря Иоасаф (Туркевич). После него преподавателем латинской школы стал Стефан (Прибылович), бывший префект и учитель философии в Славяно-греко-латинской академии. В 1724 г. его сменил иеромонах Георгий, получивший в Москве высшее богословское образование.⁵⁹

В 1727 г. Святейший Синод представил императору «всепопданнейшее доношение» о состоянии дел в епархиальных школах, содержащее ведомости «о обретающихся в архиерейских епархиях школах и учениках». В ведомости, присланной из Новгородской епархии, в специальной таблице указано: в «домовой архиерейской грекословенской» шко-

⁵⁶ Страхова О. Б. Новгородская школа братьев Лихудов. С. 120. О школе Федора Максимова см. также: Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. Ч. 1. Март—апрель. С. 347—348, 360—365; Вознесенская И. А. Архиерейская школа Федора Максимова // София. 2001. № 3. С. 32—33.

⁵⁷ О библиотеке Новгородской школы братьев Лихудов см.: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская школа Лихудов и ее библиотека // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»; Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 2001. С. 249—255.

⁵⁸ Опись архиерейской ризницы... Стб. ХСХVI—ХСХVIII.

⁵⁹ См.: Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы... С. 360—361; Вознесенская И. А. Архиерейская школа Федора Максимова. С. 32—33.

ле в период с 1706 по 1726 г. училось 284 человека,⁶⁰ а «ныне обретаются при грекославенской архиерейской школе» 19 учащихся.⁶¹ Суммируя эти числа, мы получаем количество учащихся Новгородской школы братьев Лихудов с момента ее основания по 1727 г. — 303 человека.⁶² Масштаб деятельности в области образования, развернувшейся в Новгородской епархии, был беспрецедентным для России. Благодаря усилиям архиепископа Феодосия (Яновского) в Новгороде и Новгородской епархии было открыто до 15 партикулярных школ, обеспечивавших начальное образование.⁶³ В эти школы был открыт доступ ученикам, принадлежавшим к разным сословиям. Общая численность учащихся в новгородских школах, включая партикулярные, к 1726 г. составляла 1007 человек,⁶⁴ что во много раз превосходило число учащихся школ, возникших в других епархиях России. Так, число учащихся школ Нижегородской епархии составляло к этому же времени 645 человек; Белгородской — 420; Рязанской — 260; Черниговской — 237; Ростовской — 200; Коломенской — 120; Псковской — 58.⁶⁵ Число учащихся в остальных епархиях было совершенно незначительным. Ученики, прошедшие успешно курс, возвращались в свои приходы с правом преподавать церковнославянский язык.

После отставки Феодосия (Яновского) его политический противник Феофан (Прокопович) (1725—1736), ставший новгородским архиепископом, разрушил систему образования, созданную владыкой Феодосием в Новгородской епархии: в 1726 г. была закрыта латинская школа при архиерейском доме, а в 1727 г. ликвидированы партикулярные школы. Греческая школа под руководством Федора Максимова продолжала, однако, действовать, хотя число ее учеников сильно сократилось.⁶⁶ Большая часть ее учащихся была переведена в Санкт-Петербург в школу Феофана (Прокоповича) на Карповке. Архивные данные свидетельствуют о том, что школы при архиерейском доме в Новгороде существо-

⁶⁰ См.: Кратчайшая Ведомость о Новгородских учениках // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1885. Т. 7. Стб. СХI—СХII. К сожалению, в тексте документа содержится и другое — явно ошибочное — указание на 282 ученика. См.: Там же. Стб. ХСIV.

⁶¹ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 7. Стб. CVII СХII.

⁶² О. Б. Страхова ошиблась в подсчетах, указав, что число учащихся превышало 550 человек. См.: *Страхова О. Б.* Новгородская школа братьев Лихудов. С. 118. По мнению И. А. Вознесенской, «за 20 лет существования греко-славянской школы в Новгороде в ней обучались 243 человека». Расчеты автора содержат ошибки и представляются нам некорректными. См.: *Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 212.

⁶³ О партикулярных школах см.: *Прилежнев Е. М.* Новгородские епархиальные школы... С. 352—360.

⁶⁴ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 7. Стб. СХI—СХII; *Миркович Г.* О школах и просвещении в патриарший период // ЖМНП. 1878. Ч. 198 (июль). С. 59.

⁶⁵ *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 113.

⁶⁶ См.: *Вознесенская И. А.* Архиерейская школа Федора Максимова. С. 33.

вали вплоть до открытия 30 октября 1740 г. Новгородской духовной семинарии.⁶⁷

Особенностью Новгородской академии при Лихудах и их преемниках был ярко выраженный филологический характер. Основой ее учебного плана была филология — обучение языкам классической древности: греческому, а также латыни. Последнее подтверждают письма митрополита Иова за 1706—1707 гг., в которых он, в частности, упоминает о том, что Лихуды кроме греческого «латинским письмяном, без всякого сокрытия вседушно обучают <...> и сего июня 24, мнози от учеников латинославенскую грамматику начали...».⁶⁸ В библиотеке греческого класса имелись два экземпляра «латинославенской» грамматики («*Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Slavonico-Rosseanae adornata*») Ильи Коппиевского (Амстердам, 1700). Кроме того, сохранилось свидетельство о существовании «Граматики латинской и российской учителей братьев Лихудиевых, писанной в Новгороде в 1706» и погибшей во время московского пожара 1812 г.⁶⁹ Филологическая деятельность Лихудов сделала их Новгородскую школу выдающимся центром изучения церковнославянского языка. Свидетельством этого является первая собственно российская грамматика церковнославянского языка — «Грамматика Славенская в кратце собранная в Грекославенской школе, яже в великом Нове граде при доме Архиерейском Повелением Всепресветлейшаго, Державнейшаго Государя нашего Петра Великого, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссийскаго, Благословением же Святейшаго Правительствующего Синода, напечатана при Санктъпитербурхе в Троицком Александровском монастыре. Лета от Рождества Христова 1723». Она была создана лучшим новгородским учеником Лихудов инодиаконом Софийского собора и преподавателем Новгородской школы Федором Максимовым, известным филологом и педагогом первой половины XVIII в.⁷⁰ По-видимому, образцом для ее создания стала греческая грамматика Лихудов, написанная ими в Новгороде специально для Новгородской школы. Изданная по постановлению Св. Синода тиражом в 1200 экз., грамматика Федора Максимова сыграла важную роль в становлении русского литературного языка,⁷¹ явившись одновременно первым массовым учебником «славенской» грамоты в России. Издание

⁶⁷ См.: Ведомость Новгородского архиерейского дому о школах и бывших в 1740 году учениках // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1908. Т. 20. Стб. 683—724; ОР РНБ, ф. 522, № 209, л. 173.

⁶⁸ *Чистович И. А.* Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Февраль. С. 79—80.

⁶⁹ *Страхова О. Б.* Новгородская школа братьев Лихудов. С. 115.

⁷⁰ О Федоре Максимове, в частности, см.: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. Минск, 1976. Т. 1. С. 160—161.

⁷¹ О значении грамматики Федора Максимова см., в частности: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 183—186; Т. 2. С. 594; *Бабиева Е. Э.* История русской лингвистической мысли в начале XVIII века и языковая практика Петровской эпохи (лингвистическая и редакторская деятельность Ф. П. Поликарпова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. С. 1, 3, 8; *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Т. 1. С. 160—161.

собственного учебника было большой честью для учебного заведения и подтверждало его высокий статус. Учеником Федора Максимова был Василий Евдокимович Адодуров (1709—1780), автор первой русской грамматики на родном языке, учитель М. В. Ломоносова, обучавший русскому языку принцессу Софью, будущую императрицу Екатерину II. Филологическая деятельность В. Е. Адодурова составила важный этап доломоносовского периода отечественной русистики. Он был сторонником самостоятельной и независимой гражданской орфографии, стремился определить специальные нормы светского книжного языка. Именно ему принадлежит заслуга в составлении орфографических правил для типографии Академии наук, которые прочно утвердились и частично продержались без изменения до советской орфографической реформы 1918 г.⁷²

Столь видная роль новгородских учеников Лихудов в истории русской филологии далеко не случайна. Не случайно и то, что дальнейший расцвет Новгородской школы при новгородском архиепископе Феоодосии (Яновском) также связан с успехами в области филологического образования. В 1722 г. Новгородская школа была объявлена Св. Синодом образцовой, получив характер учительского института, готовившего кадры учителей и грамотных канцеляристов для всей империи. Особую роль в этом сыграла греко-славянская школа, руководимая Федором Максимовым. В 1723 г. Федор Максимов ввел в программу обучения Новгородской школы «славенскую риторiku».⁷³ Именно эта школа стала центром по подготовке учителей «славенской грамматики», изучение которой не мыслилось без изучения греческого языка. Новгородская школа Лихудов, подготовивших первое поколение русских филологов, занимает в истории отечественной филологии особое место. Новгород как культурный центр имел по сравнению с Москвой более демократический характер. Новгородским ученикам Лихудов не были присущи замкнутость и элитарность, характерные для учившихся у Лихудов московских книжников, высказывавших мало желания участвовать в создании языка светской культуры, столь необходимого для проведения петровских реформ. Все это способствовало выдвижению Новгорода в первой четверти XVIII в. в качестве чрезвычайно важного общероссийского центра языкознания и обучения «славенской грамматике». Именно в Новгороде сложились благоприятные условия для деятельности Лихудов, оказавшихся в Москве в самой гуще политической борьбы и испытывавших поэтому большие трудности. Митрополит Иов, единственный великоросс из церковных иерархов, занятых в начале XVIII в. организацией учебных заведений в России, предпринял с помощью Лихудов попытку сделать Новгород центром греко-славянского просвещения, с целью реализации образовательной модели на основе синтеза

⁷² См.: Успенский Б. А. 1) Первая русская грамматика на родном языке: Доломоносовский период отечественной русистики. М., 1975; 2) Доломоносовский период отечественной русистики: Адодуров и Тредиаковский // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 16, 18, 20, 30; Макеева В. Н. Адъюнкт Академии наук В. Е. Адодуров // Вестн. АН СССР. 1974. № 1. С. 110, 112.

⁷³ Страхова О. Б. Новгородская школа братьев Лихудов. С. 120.

византийской и западноевропейской традиций. Деятельность выпускников Падуанского университета в Новгороде превратила его на время в филологический центр страны, подобие восточнославянской академии.

С 1724 г. в истории российской системы образования началась новая эра: Петр I издал указ о создании Петербургской Академии наук, задуманной им как научно-исследовательский центр, сугубо светское учреждение, ведущее положение в котором заняли точные и естественные науки. В составе Академии наук возник академический университет. Таким образом, первый этап в истории высшего образования в России, тесно связанный с именами братьев Лихудов, завершился. По воле Петра I образцовой моделью для духовной школы в России стали учебные заведения иезуитов, а образцом для светских учебных заведений была избрана немецкая система образования.

Новый подъем духовного просвещения в Новгороде, еще более тесно связанный с европейскими традициями классического образования и рационального мышления, начался с образованием в 1740 г. духовной семинарии, открытой в соответствии с Указом императрицы Анны Иоанновны от 1738 г.⁷⁴ Указ предусматривал преобразование в семинарии уже существовавших епархиальных школ. Основатель Новгородской духовной семинарии архиепископ Новгородский и Великолуцкий Амвросий (Юшкевич) (1740—1745), получивший первоначальное образование в польских школах, окончил Киево-Могилянскую академию, в которой некоторое время преподавал синтаксису. Новгородская духовная семинария была задумана им как высшее духовное учебное заведение. Пресвященный Амвросий намеревался создать для севера России в Новгороде такой же центр духовного просвещения, каким была для юга Киевская, а для Центра России Московская академия. Согласно Высочайшему указу от 24 мая 1740 г. о штатах Новгородской духовной семинарии, она в отношении учебного плана была почти точным слепком Киевской академии, а по объему финансирования намного превосходила другие семинарии,⁷⁵ открытые ранее при архиерейских домах, являясь, таким образом, в сущности, высшим учебным заведением.

В Киеве влияние западноевропейской схоластики стало особенно ощутимым после реформы киевской братской школы, осуществленной Петром Могилой, и превращения ее в 1632 г. в учебное заведение типа иезуитских коллегий. Иезуиты создали лучшую и универсальную для всего христианского мира систему образования, основанную на педагогических достижениях ренессансного гуманизма. Основу обучения в иезуитских коллегиях составляло серьезное изучение латинских и греческих классиков, а также логики и философии. Киево-Могилянскую коллегия (впоследствии — академию) следует рассматривать в контексте Контрреформации в Восточной Европе между 1564 и 1650 гг.⁷⁶ С 1564 г. иезуитские коллегии начали появляться в Польше и распро-

⁷⁴ ПСЗ. Т. 10. (1737—1739). СПб., 1830. С. 619—623.

⁷⁵ См.: ПСЗ. Т. 44, ч. 2. Книга штатов. СПб., 1830. С. 3—18; Знаменский П. В. Духовные школы в России... С. 491.

⁷⁶ См., в частности: Лахманн Р. Демонтаж красноречия... С. 153; см. также: Пекарский П. П. Влияние иезуитов на просвещение в Польше // Историческая хрестоматия /

странили свое влияние на Украину. Киево-Могилянская академия давала своим питомцам солидное гуманитарное образование, в котором преобладал формальный элемент. В ней преподавались грамматика, риторика, диалектика, философия и богословие, находившееся под сильным влиянием богословской мысли католического Запада, разумеется, за исключением догм, противоречащих православию. Преобладающую роль в образовании играл латинский язык, хорошее знание которого позволяло основательно знакомиться с латынью богословской литературы и античными классиками. Киевскую богословскую школу отличали богословская эрудиция, пристрастие к литературе классической древности, дисциплина мысли, вышколенной формальной логикой.⁷⁷

Curriculum, администрация, регламент для учащихся и преподавателей киевской школы следовали образцу иезуитских коллегий. Учебный процесс включал ряд дисциплин. Первая — фара, или аналогия, содержала элементарные сведения о латыни, изучался также церковнославянский язык. Далее следовали три грамматических класса: *infima classis* (нижний класс) — инфима; *media classis grammatices* (средний класс) — грамматика; *suprema classis* (высший класс) — синтаксима. Основу учебного процесса в этих классах составляло изучение латыни по учебнику «*De institutione grammatica libri tres*» Эммануила Альвара (1526—1582), португальского иезуита, учителя грамматики в первой коллегии Игнатия Лойолы в Лиссабоне. Впервые опубликованный в 1572 г., учебник Альвара стал официальной грамматикой иезуитов и играл исключительную роль в преподавании. Написанный в сократической манере, он служил в XVII—XVIII вв. учебником всей Западной Европы, Польши и России. Тем не менее изучение латыни по Альвару считалось сложным, поэтому преподаватели Киевской академии выдавали ученикам свои рукописные лекции и правила по грамматике.⁷⁸

Дисциплина, изучавшаяся в инфиме, предлагала введение в латинскую грамматику и знакомила с этимологией латыни. Учащиеся следующего класса — грамматики продолжали изучение учебника Альвара, со второй его части, до раздела *syntaxis ornata*, начиная одновременно чтение латинских авторов — Цицерона и Овидия. Грамматический класс включал изучение и греческой грамматики, из которой проходили склонения и спряжения. Дисциплина, преподававшаяся в следующем классе — синтаксиме, завершала латинскую грамматику и знакомила учащихся с правилами стихосложения. В этом классе читались избранные произведения латинской прозы — письма Цицерона, а из поэзии — Овидий, Катулл, Тибулл, Проперций, а также отрывки из

Сост. В. Покровский. М., 1888. Вып. 3. С. 179—185; *Блинова Т. Б.* Иезуиты в Белоруссии. Минск, 1990.

⁷⁷ О Киево-Могилянской академии см.: *Булгаков М.* История Киевской Академии. СПб., 1843; *Аскоцелский В.* Киев с древнейшим его училищем и Академией. Киев, 1856. Ч. 1—2; *Петров Н. И.* Киевская академия во второй половине XVII века. Киев, 1895; *Хижняк З. І.* Киево-Могилянська академія. Київ, 1981.

⁷⁸ *Вишневецкий Д.* Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903. С. 105—106.

«Георгик» и «Энеиды» Вергилия. Изучая греческий язык, читали Иоанна Златоуста, Эзопа, Агапита.

В классе пиитики ученики должны были знать кроме латинского языка вспомогательные науки: историю, археологию, мифологию, иметь представление о поэзии. Читались латинские авторы: Цицерон, Цезарь, Саллюстий, Ливий, Курций, Вергилий и Гораций, а кроме того, элегии, эпиграммы и поэмы других авторов. В классе риторики преподавали теорию красноречия, стилистику и вспомогательные науки — мифологию, историю греческих и римских древностей, элементы геральдики, антропонимики, этнографии и т. д. Основной целью изучения этого материала являлось украшение речи оратора. Риторика изучалась по произведениям Цицерона и «Поэтике» Аристотеля.

В классе философии изучались диалектика, логика, физика и метафизика, основанные на учении Аристотеля в интерпретации схоластов. В преподавании философии содержались элементы истории: изучение философии предвлялось изучением истории философии. Завершением академического курса было богословие, основанное преимущественно на трудах Фомы Аквинского и его интерпретаторов, принадлежащих к периоду второй схоластики.⁷⁹ В классе богословия, при толковании книг Священного Писания, также обращались к историческому материалу.

Кроме Альвара, который никогда не издавался в России, никаких печатных учебных пособий (по поэтике, риторике, философии и богословию) по традиции, принятой на Западе, в Киевской академии не существовало. Каждый преподаватель составлял собственный рукописный учебник на основе полученных им самим знаний в подобном учебном заведении. Наиболее знаменитыми из рукописных пособий такого рода по *humaniora* были «*De arte poetica*» и «*De arte rhetorica*» Феофана (Прокоповича).

Реализация киевского учебного плана в Новгородской духовной семинарии заняла несколько лет. На первых порах были открыты четыре класса: аналогии, инфимы, грамматики и синтаксисы, затем в 1741 г. открылся класс пиитики, а в 1742 г. — класс риторики. При новгородском архиепископе Стефане (Калиновском) в 1746 г. открылся класс философии, а в 1748 г. — богословия.⁸⁰ В начале 1750-х гг. в инструкции ректора Киевской академии Георгия (Конисского) появились рекомен-

⁷⁹ Петров Н. И. Киевская академия во второй половине XVII века. С. 6—12, 74—86; см. также: Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев, 1982. С. 3—10.

⁸⁰ О первом периоде в истории Новгородской духовной семинарии см.: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская духовная семинария в 40—60-х годах XVIII века (К 260-летию со дня основания) // Вестник НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2000. № 16. С. 3—8; Пантелева А. А. 1) Успешность Новгородских семинаристов по ведомостям 1741—1742 годов // Тезисы докладов аспирантов, соискателей, студентов XII науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород, 2005. С. 12—14; 2) Новгородская духовная семинария в XVIII веке по материалам ГИАНО // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2005. С. 3—7; 3) Открытие Новгородской духовной семинарии // Пантелева А. А. Новгородская духовная семинария в XVIII веке // София (в печати).

дации для обучения в каждом классе, которые дают представления об учебном процессе. Возможно, они использовались и в Новгородской духовной семинарии.⁸¹ Так, в классе аналогии приступали к изучению латинского языка, начиная с морфологии. В качестве пособия рекомендовалось использовать учебник Яна Амоса Коменского «*Vestibulum latinitalis*». В классе инфимы продолжалось изучение морфологии латыни; изучались этимологическая часть грамматики и начальные сведения о синтаксисе с использованием Альвара. В качестве дополнительного пособия служил учебник Яна Амоса Коменского «*Orbis pictus*». Именно этот автор создал систему школьных учебников, которая соответствовала системе классов, выстроенных согласно возрасту и достигнутому в обучении успехам. Известно, что в XVIII в. «*Orbis pictus*» применяли как учебник латинского языка для начинающих.⁸² Косвенным подтверждением того, что труды Яна Амоса Коменского использовались в учебном процессе Новгородской духовной семинарии, являются данные каталога ее библиотеки 1779 г. Так, только в библиотеке Феофана (Прокоповича) находилось 10 изданий этого автора.⁸³

Особый интерес в этой связи представляет репертуар библиотеки архиерейского дома, о котором позволяет судить раздел «*Libri varii latini...*» из каталога 1779 г. В этой наиболее ранней части библиотеки Новгородской духовной семинарии находилось три печатных экземпляра «*Orbis pictus*» (Comenii. *Orbis pictus*. Noribergae, 1732).⁸⁴ Возможно, одним из них является выявленное нами в РНБ издание — Comenii. *Orbis sensualium picti pars prima...* Noribergae, 1732 (шифр: Рэ Феоф/С 90). В нем имеются записи, одна из которых свидетельствует о том, что он был специально прислан в Новгород: «Прислана в Новгородскую семинарию марта 6 дня 1741 году...», очевидно, в связи с необходимостью использовать этот учебник в преподавании. Еще более ярким свидетельством изучения латинского языка в семинарии с помощью этого учебного пособия является рукопись «*Orbis pictus*», озаглавленная в каталоге 1779 г.: «Comenii. *Orbis sensualium picti latine et rutenice...*».⁸⁵ Количество изданий Яна Амоса Коменского в библиотеке архиерейского дома было невелико. Кроме «*Orbis pictus*» мы находим в ней издание

⁸¹ Светлов Г. И. Краткий очерк истории... С. 108—110.

⁸² Михель Г. Отношение к теории средств обучения и учебникам Я. А. Коменского и их использование в XVII—XVIII вв. // Человек—культура—общество в концепции Яна Амоса Коменского: Материалы Международного симпозиума к 400-летию со дня рождения Я. А. Коменского, Москва, 1990. М., 1997. С. 221—229.

⁸³ Среди них: Comenii. *Pansophiae prodromus...* Lugduni Batavorum, 1644 (ГИАНО, ф. 384, д. 2, л. 99 об.); Comenii. *Janua aurea quinque linguarum...* Francofurti, 1644 (Там же, л. 134 об.); Comenii. *Lexicon januale...* 1680 (Там же); Comenii. *Janua linguarum graecae et latinae...* Dorpati Livonorum, 1648 (Там же, л. 135); Comenii. *Janua linguarum aurea liber germanico latinis...* Holmiae, 1643 (Там же, л. 136 об.); Comenii. *Janua sive seminarium Linguarum...* Holmiae, 1643 (Там же, л. 145); Comenii. *Janua aurea linguarum...* Amstelodami, 1642 (Там же, л. 161 об.); Comenii. *Janua linguarum...* Dorpati Livonorum, 1648 (Там же); Comenii. *Lexicon manuale...* 1680 (Там же).

⁸⁴ ГИАНО, ф. 384, оп. 1, д. 2, л. 199.

⁸⁵ Там же, л. 190 об. В описи фонда рукописей Новгородской духовной семинарии (ф. 522) ОР РНБ, составленной В. Г. Гейманом, данная рукопись обозначена под № 74 и датирована XVIII в.

еще одного его учебника — «*Janua linguarum reserata*» (Comenii. *Janua linguarum... Dorpati Livonorum, sine anno*).⁸⁶ Другой экземпляр этого учебника, изданный в Гамбурге в 1665 г., входил в состав книжного собрания Новгородской школы братьев Лихудов.⁸⁷ Несовершенство библиографического описания в каталоге 1779 г. часто не позволяет точно установить авторство книг, а следовательно — количество изданий того или иного автора.

Такое незначительное количество печатных учебников латинского языка Яна Амоса Коменского позволяет предположить, что эти учебные пособия использовались только в классе, где ученики могли переписывать их отдельные части либо записывать необходимое под диктовку преподавателя. Примечателен также тот факт, что в каталоге 1779 г. не нашли отражения и многочисленные экземпляры учебника Эммануила Альвара, являвшегося для низших классов (аналогии, инфимы, грамматики и синтаксисы) основным средством обучения латинскому языку. Упоминания о приобретении этих учебников существуют.⁸⁸

В классе грамматики продолжалось изучение латинского языка. Кроме изучения грамматических форм семинаристам полагалось знать вокабулы, для чего каждый ученик должен был иметь латинский вокабулярный. Георгий (Конисский) рекомендовал использовать в этом классе для переводов с латинского на русский и обратно Евангелия, подготовленные французским гуманистом Себастьяном Кастеллионом, а также его «*Sacri dialogi*». Для этой же цели рекомендовалось читать различные *Colloquia*, в частности, Лангия.⁸⁹ В библиотеке Новгородской духовной семинарии имелся ряд изданий Себастьяна Кастеллиона, в частности: *Castellion Sebastian. Novum Testamentum. Absque nota; eiusdem. Biblia Sacra. Lipsiae, 1629*;⁹⁰ *Castellion Sebastian. Biblia Sacra. Sine loco, 1750*.⁹¹ Однако сведения о том, использовались ли они в качестве учебных пособий, отсутствуют.

В синтаксисе, изучая латинскую грамматику, заучивали диалоги и переводили несложные тексты латыни античных авторов. Георгий (Конисский) советовал использовать для этой цели Сульпиция и Юстина, а также «*Письма*» Цицерона.⁹² В классе пропитки учили переводу более сложных текстов, для чего избирался обычно античный историк, язык которого был доступен пониманию учившихся в этом классе семинаристов. При этом усваивались фразеология и идиомы латинского языка, необходимые тропы и фигуры. В классе риторики кроме античных авторов рекомендовались сочинения французского гуманиста Марка-Антуана

⁸⁶ ГИАНО, ф. 384, оп. 1, д. 2, л. 198.

⁸⁷ Там же, л. 266.

⁸⁸ Г. И. Светлов приводит данные о том, что руководство Новгородской духовной семинарии в 1750 г. доносило новгородскому архиепископу Стефану (Калиновскому) о нехватке учебников латинского языка. В результате этого было принято решение послать в Киев «надежного человека» для покупки 500 «алваров». Однако, были ли привезены учебники, неизвестно. См.: *Светлов Г. И. Краткий очерк истории... С. 110.*

⁸⁹ Там же. С. 109.

⁹⁰ ГИАНО, ф. 384, оп. 1, д. 2, л. 49.

⁹¹ Там же, л. 277 об.

⁹² *Светлов Г. И. Краткий очерк истории... С. 109.*

Мюре. В библиотеке Новгородской духовной семинарии имелись многочисленные издания его основного произведения: Muretus Marcus Antonius. Orationes, epistolae et poemata. Lipsiae, 1672.⁹³

В классах пиитики и риторики в качестве образцов поэзии и ораторского искусства использовались «школьные» авторы: Вергилий, Овидий, Курций, Цицерон, Корнелий Непот, многочисленные экземпляры которых входили в библиотеку семинарии. Сохранились свидетельства о том, что в 1750 г. библиотека семинарии выписала произведения этих авторов из-за границы: Вергилия (50 экз.), Овидия (50 экз.), Курция (60 экз.), «Selectarum orationum et epistolarum» Цицерона (60 экз.), Корнелия Непота (60 экз.).⁹⁴ Это частично подтверждается данными каталога библиотеки Новгородской духовной семинарии 1779 г. Так, в разделе «Libri varii latini...» перечислены по десять изданий Вергилия (Virgilii. Eclogae, Georgica et Eneidos... Lipsiae, apud Veimannum, 1736)⁹⁵ и Овидия (Ovidii. Metamorphoseon... Lipsiae, apud Veimannum, 1731).⁹⁶

В классе философии преподавал префект семинарии. Преподавание философии, как и в Киево-Могилянской академии, находилось под влиянием второй схоластики — аристотелизма в интерпретации томистов.⁹⁷ В классе богословия преподавал ректор семинарии. Как и в западноевропейских университетах, большую роль в учебном процессе играли богословские диспуты.

Первым ректором Новгородской духовной семинарии стал архимандрит Юрьева монастыря Маркелл (Радышевский), видный церковный деятель петровского времени, в прошлом выпускник и преподаватель Киево-Могилянской академии. Архиепископ Амвросий составил устав семинарии, определивший порядок в учебном заведении и семинарский штат, состоявший из 12 преподавателей, набранных из числа выпускников и преподавателей Киево-Могилянской академии, которые обеспечили семинарию рукописными учебниками, частично привезенными с собой, частично созданными уже в Новгороде. Среди приглашенных Амвросием были иеромонах Иннокентий (Одровонж-Мигалевич) и Демьян (в монашестве Дамаскин) (Аскаронский).⁹⁸ Оба преподавали пиитику и риторику, заняв в дальнейшем поочередно пост ректора. В 1741 г. Амвросий Юшкевич вызвал из Киевской академии Иосифа (Ямницкого), вместе с которым прибыл его товарищ по учебе Иоасаф (Миткевич). Они преподавали во всех классах семинарии и также зани-

⁹³ ГИАНО, ф. 384, оп. 1, д. 2, л. 132 об.

⁹⁴ Светлов Г. И. Краткий очерк истории... С. 110.

⁹⁵ ГИАНО, ф. 384, оп. 1, д. 2, л. 199.

⁹⁶ Там же, л. 199 об.

⁹⁷ О второй схоластике, в частности, см.: Аржанухин В. В. Философия в Падуанском университете... С. 205—210; Шмонин Д. В. 1) Введение в философию Контрреформации: исзунги и вторая схоластика // Verbum. Вып. 1. Франсиско Суарес и европейская культура XVI—XVII вевов. СПб., 1999. С. 58—79. 2) Что такое вторая схоластика? Возвращение к написанному // Verbum. Вып. 8. Mediaevalia: идеи и образы средневековой культуры. СПб., 2005. С. 128—149.

⁹⁸ Дамаскин Аскаронский в 1748 г. с поста ректора Новгородской духовной семинарии был переведен архимандритом Хугынского монастыря. См.: ОПИ НГОМЗ, инв. 25982/648.

мали пост ректора. Иосиф (Ямницкий) первым в семинарии начал преподавать философию и богословие.⁹⁹ 1743 год дал Новгородской духовной семинарии еще нескольких учителей-киевлян, среди них Павла (в монашестве Парфения) (Сопковского), который начал преподавание с синтаксиса и дошел до богословия, заняв в 1756 г. ректорский пост. Учителем философии и древнееврейского языка был киевлянин иеромонах Иерофей (Кремянский), прибывший в Новгород вместе с Иваном Кременицким, учителем синтаксиса. Выходцами из Киева были также преподававшие в Новгородской духовной семинарии в первый период ее существования Максимилиан Данилевич, Станислав Скибинский, Иван Чишкевич, Гавриил Спичинский и Лаврентий Баранович.¹⁰⁰ Первым преподавателем из учеников семинарии стал Стефан Лаговский, который в 1754 г. был уже учителем пиитики, позднее преподавал философию и древнееврейский язык. С 1755 г. эту должность занимал также воспитанник семинарии Тимофей Савельев (Соколовский) — знаменитый святитель воронежский Тихон Задонский; впоследствии он стал префектом семинарии и преподавал философию. Среди преподавателей низших классов воспитанниками Новгородской семинарии были также Михаил Оштинский, Андроник Акацкий и Иван Оранский, которые, еще будучи студентами философского класса, поочередно преподавали в классе инфимы с 1746 по 1755 г.¹⁰¹

Преподаватели Новгородской духовной семинарии, созданной по образцу Киево-Могилянской академии, образцом для которой в свою очередь послужил Краковский Ягеллонский университет, представляли собой корпорацию, подобную университетской, воспроизводившей вышедшую из церковной среды западноевропейскую интеллектуальную элиту с присущими ей культом разума и мыслительными навыками, основу которых заложила сложившаяся в античности система 7 свободных искусств.¹⁰² Они являлись носителями нового для России архетипа духовной культуры.

Представление об учебном плане семинарии дают также созданные или привезенные ее преподавателями рукописные учебники, использовавшиеся в Новгородской духовной семинарии. Среди них — единственная в этом собрании рукопись на древнееврейском языке (ОР РНБ, ф. 522, № 74). Это «Grammatica Hebraica» («Еврейская грамматика») с подстрочным латинским текстом, датированная XVIII в. Рукопись — в бумажном цветном переплете, насчитывает 38 л. и имеет номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6767. На переднем фор-

⁹⁹ О рукописных учебниках Иосифа Ямницкого см.: Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Западноевропейская традиция рукописных учебников в Новгороде XVIII века // Страницы Российской истории: Межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения проф. Г. А. Тишкина / Под ред. А. О. Бороноева, Е. Р. Ольховского. М., 2001. С. 71—73.

¹⁰⁰ См.: Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 689—692; Смирнов В. История Новгородской духовной семинарии // Новгородские епархиальные ведомости. 1895. № 3. С. 156—164.

¹⁰¹ Смирнов В. История Новгородской духовной семинарии. С. 164.

¹⁰² См.: Уваров П. Ю. Лучшие люди христианства, лучшие люди королевства: интеллектуалы средневековья // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 206—207.

заце почерком XIX в., видимо, кем-то из библиотекарей Новгородской духовной семинарии сделана запись: «Incerti auctoris Grammatica Hebraica cum analysi Psalmi XXXIV manuscriptum» («Неизвестного автора Грамматика еврейская с толкованием XXXIV Псалма, рукопись») (л. 1). Рукопись начинается с толкования псалма М. Варфоломея Бека (л. 1). Далее следуют латинско-еврейский вокабулярий и изложение текста элементарной еврейской грамматики. Рукопись использовалась семинаристами, изучавшими древнееврейский язык. Одним из ее владельцев был Федор Малиновский, о чем свидетельствует запись на заднем форзаце: «Из учения Федора Малиновского» (л. II). Наличие рукописного учебника еврейской грамматики в библиотеке Новгородской духовной семинарии связано с учебным планом семинарии. Преподавание древнееврейского языка, предусмотренное еще штатным расписанием 1740 г., было начато лишь в 1750 г. Иерофеем (Кремянским). Очевидно, обучение шло успешно, поскольку уже первые выпускники Новгородской духовной семинарии смогли преподавать эту дисциплину в *alma mater*. Изучая древнееврейский язык, семинаристы имели возможность читать книги на этом языке, которые, согласно каталогу библиотеки Новгородской духовной семинарии 1806 г., насчитывали 57 наименований и составляли 123 тома.¹⁰³

Среди учебных пособий по риторике, входивших в состав библиотеки Новгородской духовной семинарии, следует отметить прежде всего список риторики Феофана (Прокоповича) (ОР РНБ, ф. 522, № 57), читанной им в Киево-Могилянской академии в 1706 г. Рукопись — в картонном переплете с кожаным корешком и уголками. На корешке наклеен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6750. Рукопись насчитывает 353 л. и озаглавлена: «De arte Rhetorica Libri X. Pro informanda Roxolana iuventute utriusque eloquentiae studiosa bono religionis et patriae a reverendo patre Theophane Prokopowicz Kijoviae in celebri et orthodoxa Academia Mohylaeana Anno Domini 1706» («Десять книг о риторической искусстве для обучающейся российской молодежи, изучающей оба вида красноречия, для блага религии и отчизны пресвященным отцом Феофаном Прокоповичем преподаанные в Киеве, в славной и православной академии Могилянской в году 1706») (л. 2—256 об.).¹⁰⁴ «Риторика» Феофана опирается на труды Афтония Софиста, Фамиана Страды, Мельхиора Иуна, Николая Коссена, Герхарда Иоганна Фосса, Киприана Соара и Франциска де Мендосы.¹⁰⁵ В этой же рукописи помещен и курс пиитики, читанный Феофаном (Прокоповичем) в Киеве в 1705 г. (л. 257—331 об.). Он озаглавлен: «De arte Poetica Libri III ad usum et institutionem Studiosae iuventutis Roxolanae. Dictati a reverendo patre Theophane Prokopowicz Kijoviae in Orthodoxa Academia Mohylaeana. Anno Domini 1705» (л. 257). Курс пиитики Феофана опирается на трактат о поэтике Юлия Цезаря Скалигера, сочинения и учеб-

¹⁰³ Светлов Г. И. Краткий очерк истории... С. 380.

¹⁰⁴ О риторике Феофана см.: Lachmann R. Einleitende Untersuchung // De arte rhetorica libri X Kijoviae 1706. Feofan Procopovic / Hrsg. von Renate Lachmann. Köln; Wien, 1982. S. XXXIII—CII; Лохманн Р. Демонтаж красноречия... С. 152—214.

¹⁰⁵ Лохманн Р. Демонтаж красноречия... С. 165.

ники Джованни Понтано, Якоба Мазена и Александра Доната.¹⁰⁶ На л. 1 рукописи имеется надпись: «Алексею Малиновскому казенная», свидетельствующая об использовании ее семинаристами в качестве учебного пособия.

Киевское происхождение имел также учебник риторики из рукописного собрания библиотеки Новгородской духовной семинарии, являвшийся списком учебника Гедеона (Вишневого) (ОР РНБ, ф. 522, № 54). Рукопись — в картонном переплете с кожаным корешком, на котором наклеен номер библиотеки — 6749. Она насчитывает 245 л. На первом листе надписи: «Kijoviae sub G. Wiszniowski Rhetorica» (л. 1) и «Sub Reverendo Patre Gedeone Wiszniowskj» (л. 1 об.). Титульный лист отсутствует. К трудам преподавателей Киево-Могилянской академии относится также курс риторики, прочитанный Нектарием (Трояновским) в 1725 г. Титульный лист гласит: «Palatium reginae Eloquentiae... Per me Reverendis Nectarium Troianovski reseratum. Anno... 1725» (ОР РНБ, ф. 522, № 58, л. 3).

Интерес представляет также риторика, читавшаяся в 1732 г. в Киево-Могилянской академии (ОР РНБ, ф. 522, № 63). Рукопись — в картонном переплете с кожаным корешком и уголками. На корешке наклеен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6756. Рукопись насчитывает 229 л. На титульном листе заглавие: «Ad M. D. Gloriam Liber Rhetorices de Eloquentia Ecclesiastica et Civili continens... in usum Rossiacae Iuventuti Traditus In Collegio Kijevomohylaeano. Anno... 1732. 11 Ianuaris», ниже надпись: «Audita sub Reverendo Patre Seraphione Skoraczynski (Skoraczynski)» (л. 1). Очевидно, данная рукопись является ученическим списком лекций преподавателя академии Серапиона (Скорачинского),¹⁰⁷ сделанным кем-то из студентов Киево-Могилянской академии. Возможно, данный список принадлежал Иннокентию (Одровонж-Мигалевичу) и благодаря ему попал в Новгород. На л. 181 об. имеется запись: «Monachae Inocentiae Mihalewicz».¹⁰⁸

Еще одним ученическим списком риторики является манускрипт из рукописного собрания Новгородской духовной семинарии: ОР РНБ, ф. 522, № 59. Рукопись в кожаном переплете, насчитывает 405 л. На корешке номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6752. На титульном листе надпись: «Artis Rhetoricae praesepa tres in Libros... tradita Moscoviae. Ex anno 1733 in anno 1734 Octobris 17» (л. 1). Собственно учебник риторики продолжается до л. 159 об., далее следуют части учебника философии: «Logicum in compendium gesta» (л. 160—182), «Tabulae synopticae totius Logicae» (л. 185—191), «Logica seu Philosophia Rationalis» (л. 192—272), «Tabulae synopticae...» (л. 273—279 об.), «Phisica seu philosophia naturalis» (л. 280—405 об.). Вероятно, эти различные списки были позднее переплетены в один том. Курс риторики в Московской Славяно-греко-латинской академии в этом учебном году

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ См.: Вишнеvский Д. Киевская академия...; Булгаков М. История Киевской Академии. С. 151.

¹⁰⁸ Ср. каталог 1779 г.: ГИАНУ, ф. 384, оп. 1, д. 2, л. 191, № 17.

читал Порфирий (Крайский). «Риторика» Порфирия (Крайского) вошла в историю русской культуры: его курс риторики слушал М. В. Ломоносов, будучи студентом академии.¹⁰⁹

Традиции западноевропейских средневековых университетов представляет также учебная литература по философии из рукописного собрания Новгородской духовной семинарии.¹¹⁰ Один из ее замечательных образцов — учебник (ОР РНБ, ф. 522, № 47), написанный Софронием (Мигалевичем), выпускником Киево-Могилянской академии, впоследствии ректором Московской Славяно-греко-латинской академии. Учебник был написан Софронием в тот период, когда он занимал пост префекта и преподавал философию. Рукопись — в кожаном переплете с золотым тиснением, насчитывает 507 л. На корешке номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6742. Титульный лист гласит: «Philosophia seu scientia veritati studens: Beneficiis Augustissimi Imperatoris Petri Secundi dotata: Sanctissimae Synodi benedictione illustrata: Scholasticis disputationibus in Slaveno, Graeco, Latina Mosquensis Academia Explicata: Anno domini 1728 die 6 septembris: Per Sophronium Mihalewicz»¹¹¹ («Философия, или Наука, изучающая истину, одаренная милостями Августейшего Императора Петра II и украшенная благословением Святейшего Синода, с подробным изложением ученых диспутов Московской Славяно-греко-латинской Академии. Года от Рождества Христова 1728 дня 6 сентября. Написана Софронием Мигалевичем») (л. 1). За титульным листом следует *Alloquium* («Вступление»), далее — оглавление первой части учебника — логики, после которого идет ее текст (л. 8—195 об.), начинающийся с изложения диалектики («*Compendium Logicae Minoris seu Dialecticae*»). Согласно записи самого Софрония (Мигалевича), Логика была написана им в 1726 г. (л. 10). 12 июня 1727 г. он закончил вторую часть своего учебника по философии — физику: «*Philosophia naturalis seu Physica Scholasticis disputationibus et intellectu. Comprehensa anno Domini 1727 die 12 Junii*» («Естественная философия, или Физика со схоластическими диспутациями и разъяснением. Изложена года от Рождества Христова 1727 дня 12 июня») (л. 197—378 об.). Небольшой по объему была третья часть учебника — метафизика: «*Metaphysica Scholasticis Disputationibus Illustrata anno 1728 die 16 Martii*» («Метафизика, разъясненная с помощью схоластических диспутаций. Года 1728 дня 16 марта») (л. 379—415). Четвертая и последняя часть учебника — этика: «*Ethica seu Epitome Philosophiae Christianae*» («Этика, или Извлечение из хри-

¹⁰⁹ Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 10.

¹¹⁰ О философских и богословских рукописных учебниках см.: Григорьева И. Л., Садошников Н. В. 1) Западноевропейская традиция рукописных учебников в Новгороде XVIII века. С. 63—75; 2) Учебная литература из фонда рукописей Новгородской духовной семинарии // Вестник НовГУ. Сер. гуманитарных наук. 2006. № 36. С. 23—27; Суторуус К. В. Лекции по философии и богословию, прочитанные в первой половине XVIII века в православных учебных заведениях России // *Verbum*. Вып. 8. *Mediaevalia*: идеи и образы средневековой культуры. СПб., 2005. С. 150—164.

¹¹¹ Здесь и далее цитаты из текста рукописей даны в основном с сохранением орфографии оригинала.

стианской философии») (л. 416—424), дата написания которой в рукописи не указана. Очевидно, приложением к учебнику являются еще несколько сочинений. В их числе — «Secunda pars Naturalis scientiae...» («Часть вторая науки о природе...») (л. 426—483 об.), датированная 1 июля 1728 г. и имющая непосредственное отношение к учебнику. В учебник включены также две небольшие речи, датированные одним днем — 13 июля 1730 г. Одна из них посвящена знаменитому деятелю петровского времени, члену «ученой дружины» Петра епископу Рязанскому и Муромскому Гавриилу (Бужинскому): «Oratio dedicatoria illustrissimo Gabrieli Buzinski, Episcopo Riazanensi et Muromensi» (л. 484 об.—485). Как свидетельствует запись на последнем листе рукописи (л. 507 об.): «Tibi, Innocentio, dono, Abbas Sophronius Mihalewicz 1733» («Я тебе, Иннокентию, дарю, Аббат Софроний Мигалевич 1733»), учебник был подарен автором преподававшему в Новгородской духовной семинарии иеромонаху Иннокентию (Одровонж-Мигалевичу), который и привез его в Новгород.¹¹²

Учебник Софрония (Мигалевича) полностью соответствует традициям написания учебной литературы по философии, принятым в Киево-Могилянской академии, в свою очередь восходящим к учебной практике иезуитов,¹¹³ основой которой была вторая схоластика. Это направление смогло быстро закрепиться не только в католических, но и в лютеранских и англиканских университетах. Так, великая немецкая схоластика XVI—XVII вв., следовавшая за Филиппом Меланхтоном, находилась под влиянием Франсиско Суареса. Его «Метафизические диспуты» использовались как учебник по философии в большинстве немецких университетов в XVII—XVIII вв. Даже в православной Киево-Могилянской академии иезуитские учебники по философии и богословию были популярны, по крайней мере до середины XVIII в.¹¹⁴

Курс философии в учебных заведениях иезуитов включал логику, естественную и моральную философию, а также метафизику.¹¹⁵ Аналогичную структуру имели используемые в них рукописные учебники по философии. Рукописные учебники по философии Киево-Могилянской академии также делились на три части: философию «умственную», или логику; философию «естественную», или физику; и философию «божественную», или метафизику. Логике предшествовала диалектика, составлявшая ее теоретическую часть и нередко исползовавшаяся в классах риторики. Физика описывала свойства видимых предметов, трактовала природу вообще, давала представление о материи, бытии, пространстве, времени и душе. Метафизика толковала о существах воз-

¹¹² Этот учебник — не единственная книга, подаренная Софронием Иннокентию (Одровонж-Мигалевичу).

¹¹³ См. выше примеч 97.

¹¹⁴ Аржанухин В. В. Философия в Падуанском университете... С. 207—208.

¹¹⁵ Schmitt Ch. B. The Rise of the philosophical Textbook // The Cambridge history of Renaissance philosophy / Ed. by Ch. B. Schmitt. Cambridge, 1990. P. 798. О рукописных учебниках по философии см. также: Дефурж В. Е. О преподавании философии во французских университетах XVII века // Философские аспекты культуры и литературный процесс в XVII столетии: Материалы конф. / Под ред. А. А. Скакуна и др. СПб., 1999. С. 34.

можных и бестелесных, об отношении конечного к бесконечному. К этим разделам учебника по философии примыкала этика, хотя она встречалась не во всех учебниках.¹¹⁶

Богословскую традицию западноевропейского средневековья эпохи второй схоластики представляют рукописные учебные пособия по богословию из фонда рукописей библиотеки Новгородской духовной семинарии. Среди них находятся два замечательных экземпляра — руководства Иосифа (Волчанского) (ОР РНБ, ф. 522, № 4, 5) и Сильвестра (Кулябки) (ОР РНБ, ф. 522, № 6). Первая рукопись (№ 4) озаглавлена: «Theologia Christiana orthodoxa pro diversitate materiarum in varios tractatus, tum disputationes et quaestiones divisa, in Collegio orthodoxo Kijovo-Mohilaeano tradita et explicata... Sub reverendissimo P: Patre Josepho Wolczanski pro tunc vice rectore ac praefecto Academiae Kijowomohilaeana simulquae sacro sanctae Theologiae ordinario professore. Incepit anno 1721 septembris ultimis» («Богословие... Иосифа Волчанского. Начато в 1721 году в конце сентября»). Рукопись — в картонном переплете, оклеенном цветной бумагой с растительным орнаментом, корешок и уголки кожаные. Она насчитывает 363 л. На корешке наклеен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6704₁. На л. 1. имеется запись, видимо, библиотекаря Новгородской духовной семинарии: «Pars Ima Theologiae Josephi Volczanski». Известно, что Иосиф (Волчанский), выпускник Киево-Могиланской академии, был впоследствии ее ректором. С 1721 учебного года он начал преподавание в академии курса богословия и закончил его 3 июля 1725 г. Данная рукопись содержит два трактата: «De deo uno et trino» (л. 17 об.—271 об.) и «De Deo Trino in personis, seu Augustissimo mysterio SSmae Trinitatis» (л. 272—362 об.). Ее текст написан разными переписчиками, вероятно, после 1725 г.

Рукопись № 5, насчитывающая 346 л., является продолжением богословия Иосифа (Волчанского). Она озаглавлена: «Pars 2da Theologiae Josephi Volczanski» («Часть вторая Богословия Иосифа Волчанского»). Переплет аналогичен переплету первой части богословия Иосифа (Волчанского) (см. № 4). На корешке наклеен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6704₂. Рукопись содержит три трактата: «De homine in statu innocentiae» (л. 1—30 об.), «De Angelis in communi» (л. 31—134 об.), «De incarnatione Christi» (л. 135—346 об.). Ее текст также написан разными переписчиками. По данным Д. Вишневого,¹¹⁷ полный курс богословия Иосифа (Волчанского) состоял из 10 трактатов. Экземпляры его полного рукописного текста находились в библиотеках Киево-Михайловского монастыря и Киево-Печерской лавры.¹¹⁸

Автором еще одного рукописного богословского курса (№ 6), читанного в Киево-Могиланской академии, был Сильвестр (Кулябка) (1701/1704—1761), выпускник Киевской духовной академии, преподававший там риторику, философию и богословие. В 1741 г., будучи рек-

¹¹⁶ См.: Булгаков М. История Киевской Академии. С. 66—69. См. также: Личевский М. Богословие и философия в Киевской Академии // Историческая хрестоматия / Сост. В. Покровский. М., 1888. Вып. 3. С. 297—299.

¹¹⁷ Вишневский Д. Киевская академия... С. 250.

¹¹⁸ Там же. С. 251.

тором академии, он начал преподавание богословия, завершив его в 1745 г. Его богословские курсы считались лучшими для своего времени. Рукопись озаглавлена: «Tractatus Theologici pro diversitate materiarum varii, certa methodo ac ratione in disputationes atque questiones tributi, atque qui Theologiae operam navare animum induxerunt, egregia luce in iis, ad quae anhelant adfundantur explicati cum benedictione nec non Pastoralis in unctione Illustrissimi ac celsissimi D: Dni Raphaelis Zaborowsky Archiepiscopi Kiowiensis... Anno 1741 Septembris 29...» («Богословские трактаты... изложенные по благословению... преосвященнейшего и благороднейшего... Рафаила Заборовского Архиепископа Киевского... Год 1741 Сентября 29-го»). Рукопись — в картонном переплете с кожаным корешком. На корешке наклеен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6705. Она насчитывает 486 л. и имеет запись, видимо, библиотекаря Новгородской духовной семинарии: «varii Tractatus Theologici»; на л. 1 запись почерком XVIII в.: «Kulabcae Tom. I[?] Theologiae», на л. 143 аналогичная запись: «Kulabiae Tom. II Theologiae». Рукопись Сильвестра (Кулябки) включает его богословские трактаты: «De Incarnatione Christi» («О Воплощении Христа») (л. 143—214 об.); «De Angelis» («Об Ангелах») (л. 215—234) и другие, а также богословский курс «Theologicae Scientiae Summa» («Сумма богословской науки») (л. 387—486 об.).

В фонде рукописей Новгородской духовной семинарии ОР РНБ хранятся три рукописных тома еще одного учебника (ф. 522, № 36, 37, 38). Учебник был создан в Новгороде специально для Новгородской духовной семинарии иеромонахом Иосифом (Ямницким), первым преподавателем философии и богословия в семинарии. Первый том этого учебника (№ 36) имеет цветной картонный переплет с кожаным корешком, на который наклеен номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6730. На переднем форзаце почерком XIX в., видимо, кем-то из библиотекарей Новгородской духовной семинарии сделана запись: «Том I» (л. 1), «Josephi Jamnitzky Dialectica» (л. 1 об.). Рукопись насчитывает 177 л. На титульном листе рукописи заглавие учебника: «Dialectica seu discursiva scientia. Post triennium rhetoricum Duce Hieromonacho Josepho Jamnicky bonam partem emensum, nunc primum bono numine auspice in seminario Velikonovogrodo-Ambrosiano ad usum rhetorices eiusdem seminarii discipulorum eodem Duce ad Maiorem maximi Dei honorem scribi atque teri. Capta Anno a Christo nato 1745 Aprilis vigesima 2da» («Диалектика, или Дискурсивная наука. После трехлетия преподавания риторики, изучения большей ее части под руководством иеромонаха Иосифа (Ямницкого), ныне этим же преподавателем к величайшей Славе Господа написано и растолковано начало с одобрения покровителя в Великоновгородской семинарии Амвросия для использования учащимися класса риторики этой же семинарии. Закончена в год от Рождества Христова 1745, апреля 22») (л. 1). Вероятно, это первая часть учебника по философии (л. 1—48 об.), использовавшаяся для учащихся класса риторики. Вторая часть рукописи — «Praecepta de comparanda eloquentia. Ad usum iuventutis, quae fovet Seminarium Novogrodo-ambrosianum. Sub Celsissimis auspiciis illustrissimi Domini Kyr[?]

Ambrosii Juskevicz Archiepiscopi Novogrodensis et Velicolucensis tradi et explicari. Capta in dicto Seminario per servum Suae Archipresulatae[?] celsitudinis, longe indignissimum monachum Josephum Jamnicky. Anno a prodigioso partu Virginis Supra millesimum 700mo 43tio Septembris Secunda» («Наставления к приобретению красноречия для использования юношеством, каковое лелеет Новгородско-Амвросианская семинария, под высочайшим началом славнейшего раба Божьего[?] Амвросия Юшкевича Архиепископа Новгородского и Великолуцкого, изложенные и подробно растолкованные. Закончены в названной семинарии рабом Его Высокопреосвященства[?] недостойнейшим монахом Иосифом Ямницким года от чудесного рождения Девой 1743, сентября 20») представляет собой собственно учебник риторики (л. 49—130). На ее титульном листе имеется сделанная в XVIII в. запись: «Реторика трудов пречестивейшего отца иеромонаха Иосифа Ямницкого» (л. 49). Рукопись завершает учебник богословия — «Liber Theologicus in tractatus. Disputationes et quaestiones more Scholis recepto. Digestus ad usum Roxolanae iuventutis in Novogrodensi Seminario primum anno post Christum nato Supra millesimum 748vo 7bris 20 evolvi captus ad Majorem maximi Dei Gloriam» («Книга богословская в виде рассмотрения проблем. Вопросы и ответы с восстановлением обычая ученых диспутов. Подробное изложение, сделанное для использования Российским юношеством впервые в Новгородской семинарии, закончено года от Рождества Христова 1748, сентября 20, к высшей славе Господа») (л. 132—177 об.). Курс богословия, начатый Иосифом (Ямницким) в 1748 г., остался, однако, незаконченным в связи с его смертью в этом же году. Таким образом, описанная рукопись состоит из трех различных частей, относящихся к разным учебным дисциплинам.

Второй рукописный том (№ 37) имеет аналогичный переплет и номер библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6731. Он насчитывает 326 л. Возможно, это продолжение «Диалектики» Иосифа (Ямницкого). Надпись на титульном листе, сильно выгоревшая от солнца, гласит: «Cursus Philosophiae... Anno a Christo Nato 1746 e 13tia septembris» («Курс философии... Год от Рождества Христова 1746 сентября 13»). Весь том целиком посвящен изложению курса философии. В соответствии с традициями Киево-Могилянской академии он делится на три части: логику, включая выдержки из «Органо» Аристотеля (л. 6 об.—110 об.), метафизику (л. 111—127 об.) и физику (л. 141—326 об.). Судя по содержанию этого учебника, Иосиф (Ямницкий) прочитал семинаристам курс философии в полном объеме.

Третья рукопись (№ 38) в очень ветхом переплете с номером библиотеки Новгородской духовной семинарии — 6732. Она включает первую часть учебника философии — «Диалектику» (№ 36, л. 1—48 об.) и «Курс философии» (№ 37, л. 1—326 об.), являясь более поздним и цельным по структуре списком учебника философии Иосифа (Ямницкого). Рукопись содержит также «Камень веры» Стефана (Яворского) на церковнославянском языке (л. 198 об.—279 об.).

Учебный процесс и использовавшиеся в новгородских учебных заведениях XVIII в. рукописные учебники, подобно тому, как это было в Ки-

евской и Московской академиях, соответствовали интеллектуальным традициям Западной Европы, сформировавшимся в античности и в эпоху средневековья. Неотъемлемой чертой средневековой системы образования была практика написания профессорами рукописных учебников, восходящая к деятельности ученых IV—VII вв.: Марциана Капеллы, Боэция, Кассиодора, Исидора Севильского — создателей первых учебных пособий по дисциплинам 7 свободных искусств. Практику написания учебных пособий в средневековой Европе окончательно закрепил Алкуин. С появлением в XII в. университетов доминирующими учебными руководствами во многих областях философии и науки стали сочинения Аристотеля или комментарии к его трудам. Кульминационным завершением развития схоластической мысли, как известно, явилось наследие Фомы Аквинского, служившее главным путеводителем для изучающих богословие.

До появления книгопечатания учебные руководства, использовавшиеся в университетском преподавании, бытовали в виде многочисленных списков. Среди них наиболее популярными были: латинская грамматика Александра де Вилла Деи, «Сентенции» Петра Ломбардского, трактат по астрономии «Сфера» Сакробоско, «Канон врачебной науки» Авиценны и др. С появлением книгопечатания учебные пособия гуманистов и педагогов-протестантов, реформировавших образование в соответствии с принципами научного мышления эпохи нового времени, стали широко издаваться. Новый расцвет традиции написания рукописных учебников был связан с эпохой Контрреформации и барокко, с той революцией в образовании, которую осуществили иезуиты. Преподавание в иезуитских коллегиях опиралось на следующие принципы: тесный контакт учителя и ученика; работу с небольшой группой учащихся одного и того же возраста и одинаковой образовательной подготовки; соревнование учащихся в процессе обучения. Такая система требовала создания учебников с возрастающей степенью сложности, что часто осуществлялось самим преподавателем.¹¹⁹ Так возродилась традиция, начало которой положил Алкуин, написавший учебники специально для своих учеников.¹²⁰

После петровских реформ, в эпоху раннего Просвещения, когда главным культурным центром России окончательно стал Петербург, традиции барокко как культурно-идейного движения, связанного с ценностями гуманитарного знания, постепенно вытесняются. Уже к концу 60-х гг. XVIII в. на смену рукописным учебникам по философии, основанным на Аристотеле в интерпретации схоластов, приходит печатное учебное пособие по философии Ф. Х. Баумейстера,¹²¹ последователя Х. Вольфа (1679—1754), идеолога раннего Просвещения. Вторую схоластику сменила система Ф. Х. Баумейстера, долго господствовавшая в

¹¹⁹ Schmitt Ch. B. The Rise of the philosophical Textbook. P. 798—799.

¹²⁰ См.: B. Flacci Albini seu Alcuini. Opera didascalica // Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J. P. Migne. Paris, 1851. Т. 101. Col. 847—976.

¹²¹ См.: «Святейшему Правительствующему Синоду из Новгородского Семинарско-го правления доношение» // ОР РНБ, ф. 522, № 209, л. 1—2.

духовных учебных заведениях России.¹²² О том, что в семинарии в 70-х гг. XVIII в. появляются новые учебники по классической филологии, а также философии, свидетельствуют данные каталога 1779 г.: «...Реестры вновь покупаемых и купленных книг благодетельным попечением Великаго Господина Преосвященнейшаго Гавриила Архиепископа Великоновгородскаго и Санктпетербурскаго...».¹²³

Об уровне преподавания в семинарии свидетельствует высокое качество знаний ее учащихся, ряд которых в 1748 г. счел необходимым отобрать для обучения в академическом университете в Санкт-Петербурге В. К. Третьяковский. Среди них Михаил Софронов, Игнатий Терентьев, Филипп Яремский, Иосиф Полидорский, Георгий Павинский, Назар Герасимов, Иван Братковский и др. Большинство из новгородских семинаристов проявило способности к языкам и математике. И. Терентьев и Н. Герасимов стали преподавателями академической гимназии. И. Е. Братковский, И. Д. Полидорский, Г. А. Павинский служили в Географическом департаменте. М. Софронов написал диссертацию «О спрямлении дуг эллипса», которая, заслужив одобрение Леонарда Эйлера, принесла автору должность адъюнкта Академии наук по математике. М. Софронов стал двенадцатым действительным членом Петербургской Академии наук из числа россиян. Другой ученик М. В. Ломоносова, Ф. Я. Яремский, проявил большую склонность к гуманитарным наукам и блестящие ораторские способности. Он стал одним из 9 первых выпускников академического университета, окончивших в 1753 г. его полный курс, и одним из 4 первых магистров философии, получивших эту степень в России. Впоследствии он был переведен в Московский университет, войдя в состав немногочисленного российского национального ядра его профессорской коллегии.¹²⁴

В 1754 г. состоялся первый выпуск семинаристов, окончивших полный курс обучения.¹²⁵ Из 28 выпускников 5 уже являлись преподавателями семинарии. При архиепископе Новгородском и Санкт-Петербургском Гаврииле (Петрове) в 1788 г. высшие классы Новгородской духовной семинарии были переведены в Санкт-Петербург, чтобы поднять уровень другого учебного заведения — Александро-Невской семинарии. В 1799 г. по указу Павла I архиепископом Санкт-Петербургским был назначен Амвросий, а Гавриил остался лишь в сане архиепископа Новгородского. После этого Новгородская духовная семинария была восстановлена в прежнем составе. В 1799 г. был открыт класс риторики, в 1800 г. — философии, в 1801 г. — богословия.¹²⁶ Среди выпускников Новгородской духовной семинарии XVIII в. были выдающиеся деятели русской Церкви: свт. Тихон Задонский, архимандрит Фотий, архиепископ Ярославский и Ростовский Антоний (Знаменский) и др.

¹²² См.: Светлов Г. И. Краткий очерк истории... С. 117; Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 104.

¹²³ См.: ГИАНО, ф. 384, оп. 1, д. 2, л. 267—283.

¹²⁴ Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность... С. 130—207; Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М., 1994. С. 12, 15.

¹²⁵ См.: Светлов Г. И. Краткий очерк истории... С. 92; Паптелева А. А. Новгородская духовная семинария в XVIII веке.

¹²⁶ Светлов Г. И. Краткий очерк истории... С. 317.